

Миллионер
из подворотни

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

испытание чувства

Татьяна Корсакова

Миллионер из подворотни

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6677641

Татьяна Корсакова. Миллионер из подворотни: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-62916-9

Аннотация

«Девушка, купите редиску!» – окликнул Симу бомж. Он оказался настойчив, и она предпочла достать из кошелька последние деньги, лишь бы избавиться от неприятного типа. Могла ли Сима подумать, что перед ней – миллионер, участвующий в странной игре «Полное погружение». У богатых свои причуды, но порой их игры имеют самые непредсказуемые последствия.

Содержание

Часть I	4
1	4
2	27
3	44
4	52
5	59
6	79
7	85
8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Татьяна Корсакова

Миллионер из подворотни

Часть I

1

- Девушка, купите редиску!
- Спасибо, мне не нужна редиска.
- Девушка! Всего за двадцать рублей!
- Я же сказала: не нужна мне ваша редиска!

Сима раздраженно оттолкнула грязную руку с зажатым в ней пучком полудохлой редиски, красная цена которой рублей десять. Сима смертельно устала за этот бесконечно долгий день. Она хотела домой. Дома ждала горячая ванна и липовый чай. Не нужна ей никакая редиска, да еще за такие деньги, да еще из рук какого-то бомжа. Небось украл где-нибудь...

– Девушка, – рука с траурной каймой под ногтями больно сжала ее запястье, – у вас весенний авитаминоз, поэтому вы такая злая.

– Послушайте, оставьте меня в покое! – Сима брезгливо поморщилась и высвободила руку из цепких пальцев.

– Не могу. Мне очень хочется продать вам эту чудесную редиску. – Бомж не отставал ни на шаг.

Сима неприязненно посмотрела на своего преследователя. Мужчина неопределенного возраста, довольно высокий, одетый в выдавшуюся виды спортивную куртку, грязные джинсы и какие-то нелепые ботинки на босу ногу. В одной руке – пучок злополучной редиски. В другой – полосатая хозяйственная сумка, в которой что-то подозрительно позвякивает. Скорее всего, пустые бутылки.

– Я терпеть не могу редиску, – отчеканила она, – и грязных, вонючих мужиков, которые, вместо того чтобы работать, побираются на улицах, тоже не люблю. Ясно?

– Ясно. – За стеклами очков в уродливой роговой оправе холодно сверкнули серые глаза. – Только я не побираюсь, как вы изволили выразиться. Я работаю.

– Знаете, я, как ни странно, тоже, – огрызнулась Сима. – И я не собираюсь тратить свои деньги на всякую ерунду.

– Редиска – это не ерунда. Это очень вкусный и полезный овощ. – Бомж преградил ей дорогу.

Сима оглянулась – как назло, ни одного прохожего поблизости. Зачем только она ввязалась в спор с этим типом?!

– Ну так как? – слышался над ухом настойчивый голос.

– Чего вы от меня хотите?

– Купите редиску.

– Господи! Давайте свою редиску и оставьте наконец меня в покое!

Она открыла кошелек – никакой мелочи. Только сиротливая сотня. За что же ей такое наказание? Надеяться на то, что бомж проявит сознательность и вернет сдачу, было просто глупо. Сима тяжело вздохнула и протянула мужику купюру:

– Вот. Сдачи, конечно, не будет?

Лицо бомжа расплылось в довольной ухмылке. Блеснули на удивление ровные и белые зубы.

– Сдачи нет, но я дам вам пять пучков.

Надо же! Он еще и считать умеет!

Ее последняя сотня перековывала во внутренний карман спортивной куртки. Сима еще раз огляделась по сторонам и заспешила к своему дому.

Было уже довольно темно. Кое-где даже зажглись фонари. А ей еще идти через сквер – любимое место сбора местной шантрапы.

– Девушка! А редиска? – слышалось вдогонку.

– Да пошел ты со своей редиской, – проворчала она себе под нос и ускорила шаг.

Что за день сегодня такой?! Повымерли все, что ли? Сима быстро шла по безлюдному скверу, то и дело оглядываясь по сторонам.

– ...Опа! Смотри, Малек, какая герла!

Трое бритоголовых выросли как из-под земли.

Скинхеды! Сима почувствовала слабость в ногах. Встреча с этими ублюдками не предвещала ничего хорошего. Особенно ей, с ее далеко не европейской внешностью.

Что делать? Бежать!

Поздно...

– Куда? – Один из скинов схватил ее за шиворот – в ноздри шибанули алкогольные пары.

Пустынный сквер...

Пьяные скинхеды...

Господи, помоги!

Из темноты вынырнула плотоядно улыбающаяся рожа, в упор посмотрела на Симу.

– Пацаны, а девка-то нерусская!

– Черножопая? – с надеждой спросил тот, что держал Симу за шиворот, и на всякий случай больно вывернул ей руку. – Стой, коза! Не рыпайся!

Перед ее лицом вспыхнула зажигалка.

– Не, не черножопая, – сказала рожа. – Какая-то черная, но не негритоска.

– Китаеза?

– Да хрен поймешь!

– Ну-ка, Малек, посторонись. – Перед Симой нарисовался третий скинхед.

Снова щелкнула зажигалка.

Парень разглядывал ее долго и внимательно.

– Что-то в ней есть от латиносов, – сказал задумчиво. – Только глаза, кажется, светлые.

– Признавайся, коза, какой ты национальности? – Тот, что стоял сзади, дернул ее за волосы.

На глаза навернулись слезы – от боли и еще от страха.

– Русская... – прошептала Сима.

– Громче! Не слышу! – Скин стал медленно наматывать на кулак ее длинные волосы.

– Русская! – почти крикнула она.

Рывок – и ее голова запрокинулась назад.

– Не ори, – добродушно сказал тот, с зажигалкой. – Вообще-то нам по фигу, русская ты или нерусская. Для нас сейчас любая сгодится.

Небо было уже почти черным. Звезды – невыносимо яркими и колючими... Черное небо и колючие звезды – вот единственное, что могла видеть Сима. А потом она почувствовала, как чьи-то руки шарят по ее телу, задирают свитер... Она дернулась и закричала.

– Заткнись, сука, а то порешу! – У шеи нервно заплесало лезвие ножа.

Сима заставила себя замолчать.

– Смотри-ка, покладистая!

Раздался пьяный смех.

– Ребята, отпустите девушку, пожалуйста. – Голос был вежливый и смутно знакомый.

– Это еще кто у нас тут вякает? – спросил державший зажигалку.

– Что ты сказал, чмо? – прошипел тот, которого называли Мальком.

– А ты стой, коза. Не рыпайся! – Лезвие сильнее вдавилось

в кожу.

– Вы, ребята, наверное, нормальную речь не понимаете? – Голос стал громче. Загремели пустые бутылки.

– Это ты, чмо, что-то не догоняешь! А ну-ка, топай отсюда!

– Конечно! Непременно! Вот отпустите девушку, и мы топает.

– Все! Мое терпение кончилось! Мы тебя, мужик, предупреждали! – Это, кажется, опять тот, что с зажигалкой.

– Уходите! У них ножи!

Сима очень боялась, что он послушается и уйдет, но должна была его предупредить. Что может противопоставить оружию бомж? Свою дурацкую редиску?!

Вместо ответа снова послышался звон бутылок. Затем на несколько секунд воцарилась гробовая тишина, за которой последовала какая-то возня, звук рвущейся ткани, крики, матерная ругань...

Сима услышала глухой удар. Потом еще один...

– Какого?.. Ты что делаешь, урод?! – раздался голос Малька. – Ой, мамочки! Пусти!!! – Слова перешли в протяжный вой.

Снова загремели пустые бутылки.

– Стой где стоишь! Слышишь меня, мужик? – Скин, который держал Симу, стал медленно пятиться, увлекая ее за собой. – У меня перо! Я ее прикончу!

– Дело твое, – говоривший был совсем близко, – только

после того, как ты прикончишь ее, я прикончу тебя.

– Малек! Силич! Чего вы там разлеглись?! Уроды! – В голосе скина слышалась паника.

– Не знаю, кто из них кто, но подойти они сейчас никак не могут. Один, по-моему, в отключке, а второму я что-то сломал.

– У-у, ненавижу! – Нож завис на уровне Симиных глаз.

Она зажмурилась. Сейчас этот отморозок ее зарежет – и все...

– Забирай! Забирай свою сучку! – Сильный толчок сбил Симу с ног. Она упала на четвереньки, больно ударившись коленкой об острый камень. Из глаз посыпались искры.

Вот черт! Кажется, она порвала джинсы. Разбитую коленку было далеко не так жалко, как джинсы: почти новые, купленные прошлой осенью, они ей очень нравились. Сима провела рукой по брючине. Так и есть – дыра. Ну что же это за день такой сегодня?! Сначала на работе ее шпыняли все, кому не лень. Потом она отдала последнюю сотню за пучок вялой редиски. Потом ее чуть не изнасиловали. И вот, в довершение всех несчастий, эта дыра...

Сима разревелась.

Рядом послышалось деликатное покашливание. Бомж! Она совсем забыла про своего спасителя.

– Спасибо вам большое. – Сима с трудом встала на ноги.

Мужчина стоял в метре от нее, скрестив руки на груди.

– Извините, что не помогаю подняться. Вам, помнит-

ся, были противны мои прикосновения. Не хочу усугублять неприятные впечатления.

– Вы избавили меня от гораздо более неприятных впечатлений. – Сима отряхнула джинсы и всмотрелась в темноту. Оттуда доносились какие-то шорохи и стоны.

– Не обращайтесь внимания, – бомж небрежно махнул рукой. – Пойдемте, я провожу вас до дома. Или вы возражаете?

Сима не возражала. После пережитого страха она готова была согласиться на любого провожающего, даже такого, как этот.

Загремели бутылки – бомж поднял с земли свою сумку.

Сима шла быстро, не глядя по сторонам. Рядом бодро шагала ее спаситель. Всю дорогу они хранили молчание.

– Ну вот, я уже почти дома. – Она остановилась в двадцати метрах от своего подъезда. Ей очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из соседей увидел ее в такой сомнительной компании. – Спасибо, что проводили... И вообще...

– Не за что.

Бомж, похоже, не собирался никуда уходить. И что ей теперь с ним делать?

Сима вздохнула.

– Хотите перекусить? – спросила она с тайной надеждой, что мужик проявит деликатность и откажется.

– С удовольствием! – В темноте блеснули белые зубы.

Впервые за день Симе повезло: они благополучно добра-

лись до ее квартиры, так и не встретив ни единой живой души. И на том спасибо.

Она открыла дверь, включила свет в прихожей.

– Проходите, – посторонилась, пропуская гостя внутрь.

Тот неловко повернулся – загремели бутылки.

– Да поставьте вы свою сумку! – зашипела она, нервно оглядываясь на соседскую дверь.

Наконец бомж переступил порог, кое-как пристроил свое барахло в углу и в нерешительности застыл посреди прихожей. Сима поспешно захлопнула входную дверь.

– Что вы стоите? Разувайтесь, снимайте свою куртку, – сказала она и внутренне содрогнулась, представив, как будут пахнуть его ноги.

Мужик сбросил свои замечательные боты и остался босиком. Как ни странно, от него ничем таким не пахло. Сима вздохнула с облегчением.

А с курткой была беда: в борьбе за Симинову девичью честь один рукав оказался почти оторванным.

– Давайте ее сюда, я пришью, – предложила она. – И не стойте вы на пороге, проходите в комнату.

Бомж застенчиво пошевелил пальцами ног.

– Что? – спросила она, едва скрывая раздражение.

Даже шапку свою дурацкую не снял. Ботинки снял, а шапку оставил.

– Можно мне у вас помыться, раз уж такое дело?

Начинается! Хозяйка, дай воды напиться, а то так есть хо-

чется, что переночевать негде... И о чем она только думала? Зачем приволокла его в свой дом? Теперь придется проводить дезинфекцию: у него небось полно блох.

– Минутку, – сказала Сима после затянувшейся паузы и направилась в ванную.

На батарее сушились трусы, она торопливо сунула их в карман джинсов. Не хватало еще, чтобы всякие бомжи разглядывали ее белье. Тем более что и разглядывать-то особо нечего – обыкновенное хэбэ.

За спиной послышалось сопение. Она даже подпрыгнула от неожиданности. Бомж стоял на пороге ванной и виновато улыбался.

– Да что же вы подкрадываетесь?! – Интересно, он видел ее манипуляции с трусами?

– Извините, я не хотел вас напугать.

– Вы меня не напугали.

Сима протиснулась мимо мужика – тот даже не подумал посторониться.

– Шампунь, мыло – на полке, полотенце – на вешалке.

Про мочалку она сознательно не упомянула, не хватало еще, чтобы он мылся ее мочалкой. Наверное, и зубную щетку нужно было спрятать – так, на всякий случай.

– Одежды на смену у меня для вас нет. Я живу одна.

Ну вот, опять! Зачем она сказала, что живет одна? Совсем рассудка лишилась.

– Спасибо, я обойдусь, – вежливо сказал гость.

– Я пошла готовить ужин. – Сима сердито хлопнула дверью.

На кухне, в окружении привычных вещей, она немного успокоилась. Ну, что делать? День сегодня такой, сумасшедший. Надо перетерпеть.

В холодильнике было шаром покати. Впрочем, как всегда за неделю до зарплаты. В морозильной камере обнаружились четыре сосиски. Вот и славно! Сосиски есть. Картошка есть. Сейчас она все это быстренько пожарит.

Сима чистила картошку и прислушивалась к звукам, доносящимся из ванной. Ее неожиданный гость фыркал как жеребец и напевал что-то веселенькое.

Она уже забросила картошку на сковороду, когда шум воды стих. Через минуту раздался скрип открывающейся двери и шлепанье босых ног по линолеуму.

– Спасибо, хозяйка.

– На здоровье. – Сима наконец оторвалась от плиты, обернулась и остолбенела.

Посреди ее кухни стоял полуголый мужик. Из одежды на нем были только джинсы и очки. Но ее поразило даже не это. Бомж, которому, по ее представлению, должно быть лет так сорок – сорок пять, оказался молодым парнем, ненамного старше ее самой.

– Пахнет вкусно. – Он широко улыбнулся.

Вода капала с русых волос на широкую грудь, скатывалась по рельефному животу.

Сима не могла оторвать взгляда от этого увлекательного зрелища.

– Вам помочь? – спросил он.

– Что?

– Я спрашиваю, нужна ли вам моя помощь?

Она встрепенулась, сердито посмотрела в насмешливые серые глаза.

– Помешайте пока картошку, а я схожу за швейной машинкой.

– Зачем? – спросил бомж.

– Картошку мешают, чтобы она не пригорела, а машинка нужна, чтобы пришить ваш рукав, – сказала Сима и выскочила из кухни.

По дороге она заглянула в ванную. Так и есть – мочалка мокрая. Значит, он ею все-таки пользовался. Теперь придется покупать новую, а денег нет.

В зеркале отразилось ее расстроенное лицо и пылающие уши.

«А вы-то чего? – мысленно спросила она у ушей. – Будто я не видела мужское пузо?»

«Такое рельефное – никогда», – отозвались уши.

«Ничего особенного, живот как живот», – проворчала Сима и погасила свет.

Швейная машинка была едва ли не самой дорогой вещью в доме. Сима ее холила и лелеяла как свою кормилицу. По ночам и по выходным Сима шила одежду на заказ. Толь-

ко это позволяло ей худо-бедно сводить концы с концами. На зарплату секретаря крошечного архитектурного бюро выжить практически невозможно.

Сима подхватила машинку и поволокла ее на кухню.

– Что вы делаете? Я вам сейчас помогу. – Бомж выхватил машинку и легко, словно она была сделана из картона, поставил на кухонный стол.

– Спасибо.

– Картошка скоро будет готова, – отрапортовал он, выходя в прихожую. Снова загремели бутылки.

Сима поморщилась – определенно, этот жуткий звук ее раздражал.

– Вот. Хорошо, что я вовремя вспомнил! – На стол, рядом с машинкой, упал пучок редиски. – Сделаем салатик?

– Как хотите, – сказала Сима, не отрываясь от работы. Пока гость возился со своими бутылками и редисками, она успела приметать рукав.

– Я хочу.

– Ну, тогда делайте.

– Послушайте, может, мы познакомимся? – Бомж уселся напротив.

Ей совсем не хотелось знакомиться. Что за глупости – знакомиться со всякими бомжами! К тому же знакомство предполагало дальнейшее общение, а ей это совершенно ни к чему.

– Ну так как? – спросил он требовательно. – Вас как зовут?

– Сима. – Называть свое имя не хотелось, но и элементарную вежливость еще никто не отменял.

– Очень приятно. А я Илья, – бомж протянул руку.

Она покосилась на протянутую ладонь. Грязи под ногтями больше не было, да и сама рука выглядела чистой. Была не была...

– Сима – это от Серафимы? – спросил Илья.

– Сима – это просто Сима. Ясно?

Она ненавидела свое имя лет с пяти, когда начала понимать, как сильно оно отличается от обычных Маш, Кать и Тань.

Симона Вишневская – с ума сойти! Сколько раз ей приходилось плакать из-за своего имени! Все ее детские комплексы были из-за него.

Выход из положения нашла бабушка: «Говори всем, что ты Сима. Имя хорошее, старинное». Это решило проблему, и в дальнейшем она иначе как Симой не называлась. Только мама упорно продолжала звать ее Симоной.

«Симона, не понимаю, чем ты недовольна? Такое чудесное имя! Его, между прочим, твой папочка выбирал, оно ему очень нравилось».

В том, что ее папочке нравилось имя Симона, не было ничего удивительного. Особенно если учесть, что самого папочку, которого Сима ни разу в глаза не видела, звали Диего Маркос. Он был кубинцем и учился с ее мамой на одном

курсе в архитектурно-строительном институте. Плодом любви русской девушки и кубинского юноши и явилась Сима, она же Симона. Сразу после родов новоиспеченный папаша расцеловал дочку и невесту и отбыл на остров Свободы, пообещав вернуться за ними через полгода.

Время шло, Сима росла, а от папочки не было никаких вестей. Первый год мама очень страдала, а потом успокоилась, подкинула годовалую дочку бабушке и занялась устройством личной жизни.

Мама была красива, умна, эрудированна. Ее личная жизнь устроилась очень быстро. Нет, мама не вышла замуж, но теперь она больше никогда не оставалась одна. Рядом с ней всегда был какой-нибудь мужчина – красивый, богатый, щедрый.

Когда Симе исполнилось три года, родился Вадик, сводный брат. В Вадике мама души не чаяла. Он был очень похож на нее саму: такой же красивый, светловолосый, голубоглазый.

А Сима? А Сима росла точной копией своего блудного кубинского папаша: смуглая, черноволосая, кудрявая. Только с цветом глаз природа что-то намудрила: они были светло-желтые, почти как у кошки. Может, сказались европейские гены мамы, разбавили горячую южную кровь?

Как бы то ни было, а Сима продолжала жить с бабушкой. «Симона, ты так похожа на своего отца-негодяя, что, когда я смотрю на тебя, мое сердце обливается кровью. Ты же

не хочешь, чтобы твоя мамочка расстраивалась, правда? Вот и умница! Поживи пока с бабушкой».

Так она и жила с бабушкой до прошлого года. А потом бабушка умерла, оставив внучке свою однокомнатную квартиру.

Через месяц после похорон Симу навестила мама. Последний раз они виделись, кажется, два года назад. Выглядела мама, как всегда, великолепно: безупречный макияж, прическа – волосок к волоску, костюм от Шанель, шлейф дорогих духов.

– Детка, прости, что я не была на похоронах. Срочная командировка в Лондон. Сама понимаешь, я не могла отказаться.

Сима не понимала.

Как можно со спокойной душой улететь в какой-то там Лондон, когда твоя родная мама лежит на смертном одре?

– Вот, кстати, это тебе подарок. – Мама поставила на стол маленькую золотистую коробочку. – Это духи. Настоящие, французские.

– Спасибо. Хочешь чаю? – Симе не хотелось даже прикасаться к этим «настоящим французским духам».

– Нет, Симона. Я пью только зеленый чай с китайским жасмином. Очень полезно для цвета кожи. У тебя же нет?

– У меня есть липовый чай.

– Не стоит. Я, собственно говоря, по делу.

Сима насторожилась: раньше маме не было до нее ника-

кого дела.

– Это насчет квартиры, – мама небрежно взмахнула рукой.

– Какой квартиры?

– Да вот этой квартиры. Бабушка ведь оставила ее тебе? Симона, ну почему ты все время молчишь? Я надеюсь, ты согласна с тем, что бабушка поступила несправедливо? В конце концов, кроме тебя, у нее ведь были еще и мы с Вадиком. И мы ее тоже очень любили.

Сима была в корне не согласна. Ни мама, ни Вадик ни разу за последние два года не навестили бабушку, не спросили, как она живет, все ли у нее есть, хватает ли денег на лекарства. Ладно, Вадик – он еще маленький и глупый. Но мама...

– Что ты хочешь? – спросила Сима.

Мама достала из сумочки пачку невиданных тоненьких сигарет и золотую зажигалку.

– Я закурю. Ты не возражаешь, Симона?

– Я не возражаю. Только не называй меня Симоной.

– Хорошо, хорошо. – Мама щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась.

Она была так молода, так красива и изящна, ее мама. И курила она также изящно. Невиданная сигарета с золотистым фильтром выглядела очень эффектно в ее тонких, унизанных кольцами пальцах.

Сима встала из-за стола, распахнула форточку.

– Я подумала, что нам следует квартиру продать, – заго-

ворила наконец мама.

– То есть как продать? – опешила Сима.

Ее мама и сводный брат жили в роскошной четырехкомнатной квартире почти в центре. Зачем им понадобилась ее хрущоба?

– Будет справедливо, если мы разделим деньги, полученные от продажи квартиры поровну: тебе – одна часть и две части – нам. – Мама стряхнула пепел в любимую Симину чашку. – Видишь ли, Вадик поступил на юридический. В связи с этим мои расходы значительно возросли. Мальчик должен соответствовать. Понимаешь?

Сима снова ничего не понимала. Она не понимала, где ей жить после такого «честного» дележа. Она не понимала, чему и каким образом должен соответствовать студент-первокурсник.

– Можно вопрос? – Сима сполоснула свою любимую чашку, поставила перед мамой блюдце. – Когда мы продадим эту квартиру, я буду жить с вами?

– С нами? – Мама поперхнулась дымом. – Детка, есть много разных вариантов, – сказала, откашлявшись.

– Например?

– Например, ты можешь купить комнату в коммуналке или немного доложить и приобрести прекрасную квартиру в новом районе. И, кстати, всю мебель, если хочешь, оставь себе.

– Да что ты говоришь?! – Сима всплеснула руками. – Зна-

чит, мебель я могу оставить себе? Какая прелесть! А теперь послушай меня, мама. Во-первых, меня совершенно не прельщает идея переселиться в коммуналку или, того хуже, к черту на рога, чтобы вы могли соответствовать. Во-вторых, я не вижу в твоём предложении ничего справедливого. А в-третьих, завещание составлено таким образом, что до тех пор, пока мне не исполнится двадцать пять, я не имею права продавать эту квартиру. А прописать в нее я могу только своего мужа – когда он появится. Вот так.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Наконец мама загасила сигарету и с укором посмотрела на Симу:

– Да, не ожидала я такой черной неблагодарности от твоей бабки. Да и от тебя тоже. Впрочем, от тебя-то как раз всего можно ожидать, учитывая твою дурную наследственность.

– Это ты о своих генах, мамочка? – вежливо поинтересовалась Сима.

Мама встряхнула идеально уложенными локонами и встала из-за стола.

– Думаю, нам не о чем больше говорить, – сказала она тоном оскорбленной королевы. – Духи можешь оставить.

– Премного благодарна!

Когда за мамой захлопнулась дверь, Сима не удержалась и разревелась. Так горько, так безутешно она не плакала с семи лет, с тех самых пор, когда поняла, что мамочка ее не любит, что она никому в этом мире не нужна, кроме бабушки. Тогда, проревев всю ночь напролет, Сима запретила себе

страдать и твердо следовала этому запрету. А вот сейчас не удержалась...

Где-то в глубине души она надеялась, что после смерти бабушки мама одумается и они заживут все вместе одной счастливой семьей. А вот как получилось...

Сима вытерла слезы рукавом свитера, ополоснула блюдо и уже собралась выбросить духи в мусор, но в самый последний момент передумала. Пусть остаются как напоминание...

– ... Сима – какое-то кошачье имя, – вывел ее из задумчивости мужской голос.

Бомж Илья сидел совсем близко и с интересом всматривался в ее лицо.

Сима смутилась.

– Нормальное имя, – прошипела она. – Вот, забирайте. – Отреставрированная куртка упала гостю на колени.

– Спасибо, – сказал он вежливо.

– Не за что. Давайте ужинать, а то уже совсем поздно.

– Как скажете.

Они ужинали в полной тишине. Симин гость ел быстро и с явным удовольствием. А она вяло жевала салат из редиски. Пережитый стресс и грустные воспоминания окончательно убили аппетит.

– Спасибо. Все было очень вкусно. – Бомж Илья отложил вилку и с сожалением посмотрел на свою пустую тарелку.

– На здоровье. Чай будете? – Сима встала из-за стола. –

Правда, к чаю могу предложить только сушки.

– Чай буду. Если можно, покрепче.

– Это уж как получится. Вы любите липу?

– Что?

– Чай с липой? – уточнила она.

– Обожаю липу!

– Это хорошо, потому что зеленого чая с китайским жасмином у меня нет.

– И не нужно. – Гость опять улыбнулся: – Липа намного вкуснее.

– А вы пили чай с жасмином? – поинтересовалась Сима.

– Не пил. И даже пробовать не хочу.

– А я бы попробовала, – вздохнула она.

– Так что же вам мешает? – удивился гость.

– Мне это не по карману, – впервые за вечер Сима улыбнулась. – Чай с китайским жасмином может подорвать мой бюджет.

– Это печально. – Илья покачал головой.

Сима засмотрелась на его успевшие высохнуть волосы. Они оказались светло-русого цвета. Она вздохнула: ей с детства хотелось иметь светлые волосы.

– Ладно, не будем о грустном. Давайте пить чай. – Она поставила перед гостем пол-литровую чашку и вазочку с ванильными сушками. – Сахар не предлагаю: он еще неделю назад закончился. Зато есть клубничное варенье. Хотите?

– Хочу. – Гость смотрел на нее как-то странно.

– Да что вы на меня так смотрите?! – неожиданно разозлилась она.

– Как – так?

– Мне не нравится, когда на меня смотрят.

– Вам не нравится, когда на вас смотрят вообще или когда это делают мужчины? – спросил он тоном психоаналитика.

– Это имеет какое-нибудь значение?

– Огромное. Так вы ответите на мой вопрос?

– Нет.

– Почему?

– Послушайте, что вы лезете ко мне со своим психоанализом?! – возмутилась Сима. – Спасибо большое, что меня выручили, но это не дает вам никакого права...

– Простите. Я не должен был так себя вести. – Он снял очки, принялся протирать стекла краешком скатерти.

– Возьмите, – Сима протянула ему полотенце.

– Спасибо. – Он водрузил очки обратно на переносицу. – Я, пожалуй, пойду?

Она промолчала.

– Спасибо за ужин и за гостеприимство. Очень приятно было с вами познакомиться.

Илья поднялся из-за стола, старательно ополоснул свою чашку, вышел в прихожую, надел вытертую до дыр рубашку, куртку, ботинки, свою уродливую шапку сунул в сумку.

– До свидания, Сима.

– До свидания... Илья.

Загремели пустые бутылки. Дверь за гостем захлопнулась,
Сима осталась одна.

Илья вышел из подъезда, вдохнул прохладный вечерний воздух.

Сима. Не имя, а кошачья кличка. Да и сама она похожа на кошку – такая же желтоглазая и независимая.

Весело насвистывая, он бросил свою сумку у ближайшего мусорного бака и дальше пошел налегке.

В соседнем дворе было тихо и безлюдно. Даже вездесущих подростков не видно. Илья остановился, порылся в карманах джинсов, подошел к одиноко стоящему автомобилю. Черный джип приветственно мигнул фарами. Илья открыл дверцу, уселся за руль, нашарил на заднем сиденье полиэтиленовый пакет, извлек из него скатанные в рулон джинсы и свитер, достал из-под сиденья «Рибоки», защелкнул на запястье швейцарские часы. Все старье, что было на нем, перекочевало в пакет.

Ему было страшно лень переодеваться, но вряд ли охранник дома, в котором он совсем недавно купил квартиру, признает в грязном оборванце одного из жильцов – уважаемого человека, хозяина крупной строительной компании «Северное сияние» Илью Северина. Мужчина включил зажигание – джип заурчал, как сытый кот, и плавно тронулся с места.

Сегодня был удачный день. Илья заработал десять очков и получил реальный шанс взять бонус этого месяца. А еще

эта забавная девушка с кошачьим именем. Чем-то она его зацепила...

Илья глянул на часы – половина двенадцатого. Ехать в клуб уже нет смысла. Да и зачем? Наблюдатели уже зафиксировали его результат и наверняка занесли в базу. Значит, домой, отсыпаться.

А здорово, что он послушался Вовку Данченко и ввязался в эту, как ему тогда казалось, авантюру! Как только он вступил в клуб, в жизни появился настоящий драйв.

Тот ритм, в котором Илья Северин жил последние несколько лет, изматывал. Серьезный бизнес, жесточайшая конкуренция, ненормированный рабочий день, командировки...

Но это только полбеды. Его, еще по сути молодого человека, угнетала необходимость ежесекундно соответствовать имиджу представителя бизнес-элиты. У Ильи, в его двадцать семь, было все: деньги, власть, уважение партнеров, определенная известность в деловых кругах. И у него было все, что из вышеперечисленного вытекает: недвижимость, дорогой автомобиль, роскошные женщины, возможность отдыхать в любом уголке земли. Но, поднимаясь по карьерной лестнице все выше и выше, он как-то разучился радоваться жизни.

Ему только двадцать семь, а он смотрел на жизнь глазами старика.

Илья уже вполне серьезно подумывал записаться к психо-

аналитику, когда лучший друг Вован предложил ему стать членом закрытого полуподпольного клуба и принять участие в Игре.

– Да не парься ты, Илюха! – увещевал Вован. – Игра просто улетная! Полное погружение!

– Во что погружение? – Илья слушал друга вполуха, просчитывая в уме, что сулит ему получение подряда на строительство торгового центра в одном из новых районов.

– Полное погружение в другую жизнь! Ясно тебе?!

Северин оторвался от расчетов, посмотрел на друга.

– Вовка, ты вроде бы образованный человек, Оксфорд окончил, а изъясняешься путано и непонятно. И потом, нам что, по пятнадцать лет, чтобы в «казаки-разбойники» играть?

– Это не «казаки-разбойники»! – возмутился Вован. – Это в тысячу раз круче! Вот, к примеру, что ты знаешь о простых смертных? Ну, о тех, которых в нашей стране девяносто девять процентов?

– Ничего. – Илья равнодушно пожал плечами. – У меня, знаешь ли, своих проблем хватает.

– Вот именно! Ничего! А ведь они живут потрясающе интересной жизнью!

– Да ну?!

– Больше того, в их жизни полно настоящего риска и драйва! Вот ты, к примеру, смог бы прожить месяц на две тысячи?

– Смог бы. Не слишком комфортно, но смог бы.

– Я говорю о двух тысячах рублей, а не баксов... Вот видишь, ты бы не смог. А они приспособились и выживают!

– Послушай, Данченко, я простой бизнесмен, а не политик. Я свои деньги потом и кровью зарабатываю. Что, я еще должен вместо правительства о благосостоянии населения беспокоиться? И вообще, я налоги плачу...

– Да ты не понял! Никто не предлагает тебе заботиться о малоимущих.

– А что же мне предлагают?

– Влезть в их шкуру! – Вован сверкнул глазами. – На время, разумеется.

– А какой в этом кайф?

– Правильный вопрос. Я его тоже поначалу задавал. В-первых, – Вован загнул указательный палец, – есть такие задания, что риска в них побольше, чем в скай-дайвинге. Чистейший, стопроцентный адреналин! Во-вторых, можно обзавестись полезными связями. Будь уверен: в Игре очень серьезные люди. Ну, а в-третьих, это просто интересно и очень познавательно. Все равно что полет на Марс. Они же как инопланетяне...

– Просто икс-файлы какие-то!

– Да круче! Круче! Соглашайся! Времени до следующей Игры осталось в обрез, а мне еще нужно для тебя три рекомендации раздобыть.

– Нет, это не икс-файлы. Это какая-то масонская ложа, –

усмехнулся Илья. – Что, все так серьезно?

– А ты думал! Фирма веников не вяжет! Ну что? Согласен?

Илья согласился: его привлек пункт номер два, «полезные связи», а не какое-то там «полное погружение» и прочая ерунда. Спустя неделю он увидел, чьи подписи стоят в рекомендации, и окончательно уверовал в правильность принятого решения.

Первый этап Игры его сначала не впечатлил. Гонки по пересеченной местности – ничего особенного, многие так развлекаются. Но скоро выяснилось, что к участию в гонке допускаются только отечественные автомобили. И то лишь те, чья рыночная стоимость не превышает три тысячи долларов. На подбор и покупку такого чуда отводилось пять дней. За эти пять дней машинку можно было довести до ума, снабдить любыми наворотами.

Впервые в жизни Илья и Вован оказались на авторынке. До этого они покупали машины в салонах.

– Мать честная! Это же сплошной чермет! – сказал Илья, неспешно прохаживаясь между стройными рядами «копеек», «шестерок», «Москвичей» и «Волг».

– А что ты хотел здесь увидеть? – поинтересовался Вован.

– Да нормальные машины! – вклинился в их разговор автослесарь Матвей, приглашенный Илеей в качестве консультанта. – Если голова и руки в наличии имеются, любую машину можно до ума довести.

– Вот именно! Этот хлам еще нужно до ума доводить! А иномарки уже доведены, – продолжал возмущаться Вован.

– Зато к нашим запчасти дешевле, – не сдавался Матвей.

– Да что ты говоришь?! – Данченко хлопнул себя по внушительным ляжкам. – А иномаркам вообще запчасти не нужны. Они практически не ломаются.

– Может, те, что только с конвейера, и не ломаются.

– А наши уже с конвейера калекками сходят.

– Все! Брэк! Кончайте дебаты! – вмешался в спор Илья.

– А ну вас! – Вован сердито махнул рукой. – Обойдусь без советчиков. – Он бросил выразительный взгляд на Матвея.

– Дело хозяйское. И вообще, я к вам не набивался, – не остался тот в долгу.

– Встретимся на гонках, дилетанты! – Данченко гордо удалился.

Илья с Матвеем заговорщицки переглянулись.

– Пойдемте-ка вон к той «Ниве» красненькой, Илья Владимирович.

– Какая-то она неказистая, – усомнился он.

– Хорошая машинка, я ее уже смотрел. Подшаманим, будет летать, как ракета. Только, сами понимаете, это все деньги.

– Ты возьмешься за нее? – спросил Илья.

– Возьмусь, – кивнул Матвей.

– Тогда действуй по своему усмотрению. Срок – четыре дня.

– Маловато времени. Мне в гараже ночевать придется.

Илья нетерпеливо посмотрел на часы, ему уже порядком надоело слоняться по авторынку.

– Добавлю за срочность, – сказал он устало.

– Договорились. Я интересовался: хозяин хочет за «Ниву» три тысячи сто, но я поторгуюсь.

– Ну, торгуйся, я тебя пока в машине подожду.

– Спорим, я тебя сегодня сделаю! – Вован презрительно покосился на «Ниву» Ильи.

Северин усмехнулся. У его лучшего друга была одна, но пламенная страсть – пари. Причем предмет спора часто не имел решающего значения. Важен был сам процесс.

– Сколько? – спросил Илья.

– Пятьсот баксов.

– По рукам!

– Ты моя девочка, ты моя пантера, – Вован погладил по блестящему боку свою черную «Волгу». – Мы им покажем, да? Между прочим, – он обернулся к Илье, – у нее движок о-го-го какой! Считай, чистый эксклюзив! А твой «луноход» хотя бы сотню выжимает?

– Посмотрим, – сказал Илья, с интересом рассматривая своих соперников.

Публика, как и машины, подобралась разношерстная и разновозрастная. Он заметил нескольких мужчин весьма солидных лет. Многие молодые притащили с собой группы

поддержки в виде модельного вида невообразимо длинноногих девиц. В ожидании шоу девицы хихикали, стреляли глазами в каждого мало-мальски симпатичного мужика. В воздухе витал дух соревнования и азарта. Илье вдруг захотелось побыстрее сесть за руль своей «Нивы» и показать им всем, на что способна его машина.

Наконец организаторам удалось удалить зевак и болельщиков с трассы.

Был дан старт. Почти одновременно взревело больше тридцати моторов.

Это было просто здорово!

Илья приехал третьим. Он заработал свои первые очки, восхищенные взгляды девиц модельной внешности и одобрителные похлопывания по плечу от недавних соперников.

«Пантера» Вована приползла двадцать четвертой. Не помог даже двигатель «чистый эксклюзив».

– Это все происки врагов и роковое стечение обстоятельств, – бубнил приятель, отсчитывая пять сотен баксов. – А ты зря радуешься, Север. Просто новичкам везет – закон природы. И вообще, ты сегодня поишь меня текилой.

Илья вернулся домой в прекрасном расположении духа. Впервые за последние годы жизнь наполнилась красками.

Задания в клубе всегда были разными. Иногда они отдаленно напоминали обещанное Вованом «полное погружение», но чаще не имели никакого отношения к жизни простых смертных. Иногда они пахивали мелким кримина-

лом. Иногда – походили на игру «Зарница». Но сегодняшняя Игра стопроцентно могла носить кодовое название «Полное погружение». Причем погружаться участникам пришлось на самое дно. Переодетые и загримированные под бомжей, они должны были продать вялую редиску по двадцать рублей за пучок. Цена в несколько раз превышала реальную стоимость редиски, но снижать ее запрещалось правилами. За каждым игроком наблюдали. Илья подозревал, что организаторы используют какую-то «шпионскую» технику, потому что иногда в поле зрения не было ни единой живой души, а результаты Игры или попытки кого-либо из игроков смухлевать фиксировались. Побеждал тот, кто раньше остальных набирал оговоренную правилами сумму.

Сначала задание Илье показалось до смешного легким. Он пристроился рядом с торгующими зеленью бабками, но очень скоро понял, что его товар не выдерживает никакой конкуренции. Да и бабульки косились на него уж слишком неодобрительно. Тогда он решил попытать счастья в свободном плавании. Но и тут Илью ждал полный провал. Несчетное число раз его посылали куда подальше. Однажды едва удалось избежать драки с настоящими бомжами. И только к вечеру, намыкавшись и натерпевшись, он смекнул, что лучше всего предлагать свой товар одиноким женщинам. Многие из них покупали редиску, просто чтобы отделаться от настырного бомжа.

Когда поток одиноких, спешащих с работы домой теток

иссяк, и подвернулась эта Желтоглазая со своей сотней.

Игра была сделана.

Единственное, что смутило Илью, это то, что, кажется, несчастная сотня была у девицы последней. Он своими глазами видел пустое нутро дерматинового кошелечка. В это было трудно поверить. Конечно, он жил не на облаке. Он смотрел «Новости» и читал газеты. Он знал, какими низкими бывают зарплаты, но единственная сотня в дерматиновом кошельке...

Илья выполнил задание и был волен распоряжаться свободным временем. Его вдруг потянуло за Желтоглазой. У него не имелось четкого плана действий. К примеру, можно отдать девушке всю заработанную за Игру мелочовку или помочь чем-нибудь более существенным. Он еще не решил, как лучше поступить, когда услышал крик. Похоже, его Желтоглазую кто-то обижал.

Илья вступился за честь дамы – разделался с бритоголовыми дебилами. Совсем как в индийском кино! Выдался замечательный шанс познакомиться с Желтоглазой поближе, на правах героя-спасителя, так сказать.

Барышня на контакт шла с явной неохотой. Ее, казалось, больше интересовали собственные порванные джинсы, чем его скромная персона. Пришлось проявить наглость и некоторую настойчивость.

Желтоглазая жила в маленькой однокомнатной квартирке, давно нуждающейся в ремонте. В квартирке было чисто,

но бедно: мебель шестидесятых годов, вытертый коврик на полу, миленькие «дореволюционные» шторы на окнах.

Илья вырос в очень обеспеченной семье. Отец – известный архитектор. Мама – в прошлом балерина. Выйдя замуж, она отказалась от блестящей карьеры и полностью посвятила себя семье. Именно благодаря ее стараниям их пятикомнатная квартира в центре выглядела не просто роскошно, а очень стильно. И не только теперь, когда подобным никого не удивишь, а даже двадцать лет назад, когда о дизайне еще никто и слыхом не слыхивал.

«Все должно быть достойно, – любила повторять мама, – человека с рождения должны окружать только красивые вещи. Иначе из него не вырастет ничего стоящего».

В их доме все, начиная с посуды и заканчивая мебелью, было очень красиво и очень достойно. Илью с самого детства окружали роскошь и красота. Возможно, поэтому он стал тем, кем стал.

Интересно, что сказала бы мама, окажись она в этой квартирке? Илья покосился на репродукцию ваноговской «Звездной ночи», висящую на стене в прихожей.

«В доме должны быть только подлинники. Работа мастера излучает свет. Репродукции – это дурной тон» – еще один постулат мамы.

Хозяйка всего этого «великолепия», похоже, была совсем не рада обществу Ильи. Она даже не особо скрывала свое к нему отношение. Конечно, кто для нее бомж? Человек вто-

рого сорта. Хотя, если уж на то пошло, сама она не слишком далеко ушла от бомжа. Одно отличие – что живет не на помойке, а в этой дыре, которую только с большой натяжкой можно назвать квартирой.

«Вот она, классовая вражда, – усмехнулся про себя Илья. – Несколько часов в шкуре деклассированного элемента, и ты уже начинаешь ненавидеть того, кто стоит ступенькой выше на социальной лестнице».

– Мне бы помыться, – сказал он, не потому что так уж нуждался в водных процедурах, а просто из вредности.

Хозяйка растерянно уставилась на него своими кошачьими глазищами.

«Сейчас выставит вон», – решил Илья.

Оказалось – ошибся.

– Минуточку, – сказала она не слишком радушно и скрылась за дверью в ванную.

Илья поплелся следом. Опять же, из вредности.

Он как раз поспел к тому моменту, когда Желтоглазая прятала в карман свое бельишко.

«А она скромница, – подумал он иронично, – или, может, опасается, что бомж позарится на ее барахло? Было бы на что зариться!»

Словно почувствовав его присутствие, девушка резко обернулась, зашипела сердито:

– Да что же вы подкрадываетесь?!

– Извините, не хотел вас пугать. – Он надеялся, что его

улыбка выглядит достаточно виноватой.

— Вы меня не напугали. Шампунь, мыло — на полочке. Полотенце — на вешалке. — Она замолчала. — Одежды на смену у меня для вас нет — я живу одна.

Можно подумать, он не догадался. Вся квартирка выглядит так, словно уже как минимум пятьдесят лет в нее не забредал ни один мужик. Может, это такое завуалированное предложение остаться, скрасить, так сказать, одиночество?

Когда хозяйка вышла из ванной, сердито хлопнув дверью, Илья принялся изучать стоящие на полке бутылочки. Впрочем, особо и изучать-то было нечего. «Шампунь травяной для всех типов волос», мыло детское, мыло хозяйственное, крем для рук фабрики «Свобода», крем для лица все той же фабрики, шариковый дезодорант — больше ничего.

А где гель для душа, где ароматические соли для ванны, лосьоны и масла для тела, кремы для лица дневные, ночные, омолаживающие, восстанавливающие, питательные, где маски, где пенка для умывания, где средства по уходу за волосами и еще сотни мелочей, которые он неоднократно видел в ваннных комнатах знакомых женщин?

«Каждая уважающая себя дама обязана следить за своей внешностью». Его мама вела постоянную войну с возрастом, и, насколько мог судить Илья, ей это удавалось. В свои шестьдесят она выглядела максимум на сорок.

Так-так, получается, его новая знакомая относится к «не уважающим себя дамам». Во всяком случае, излишними за-

ботаами о внешности она себя не обременяет.

Стоп! А это что такое?

В дальнем углу полки за флаконом «Шампуня травяного для всех типов волос» обнаружилась изящная золотистая коробочка. Французские духи, очень модные и очень дорогие. Илья видел такие у одной знакомой, которая знала толк в хорошем парфюме.

Что же это получается? На нормальный шампунь и крем Желтоглазая деньги жалеет, но при этом покупает модные духи, которые и в Москве-то появились только пару месяцев назад.

Илья поднес флакончик к глазам – полный. Может, ей эти духи подарили? Любовник, например. Не похоже. Любой мужик по природе своей – самец. Он бы обязательно «пометил» территорию. Тапки, банный халат, мужской журнал, зубная щетка... Ничего такого и в помине не было. Хотя они могут встречаться на нейтральной территории.

Илья аккуратно поставил духи на место. С кем и где встречается Желтоглазая, не должно его волновать. Ванна уже наполнилась на две трети. Он вошел в воду и выдернул пробку. Лучше ополоснуться под душем, просто на всякий случай. Неизвестно еще, кто моется в этой ванне. Он покосился на «Шампунь травяной для всех типов волос» и решил не рисковать. Для убедительности просто намочил волосы. От детского мыла шкура с него, скорее всего, не слезет, ведь изначально оно предназначалось для нежной детской кожи, –

Илья намылился.

На бортике ванны лежала симпатичная ярко-розовая губка. Он не стал ею пользоваться, но в воду окунул, все из той же вредности. Пусть думает, что грязный, блохастый бомж мылся ее мочалкой. Он выключил воду, вытерся пушистым банным полотенцем. Натянул джинсы, надел очки. Очки были элементом маскировки. На плохое зрение Илья никогда не жаловался.

Хозяйка возилась у плиты и на появление гостя никак не отреагировала.

– Спасибо, – попытался он привлечь ее внимание.

– На здоровье. – Она обернулась. И без того большие глаза стали огромными, когда она увидела голое пузо Ильи.

Впечатлилась, про себя констатировал он. Еще бы она не впечатлилась: тренировки по айкидо и тренажерный зал три раза в неделю...

– Пахнет вкусно.

– Что?

Девушка все никак не могла оторваться от созерцания его торса.

«Нет никакого любовника, – решил Илья, глядя на ее пылающие уши. – Стала бы она так смущаться...» Почему-то это умозаключение его порадовало.

Когда ужин был уже почти готов, Илья вспомнил, что так и не узнал имя Желтоглазой.

– Послушайте, может, мы познакомимся? – предложил он.

– Сима, – сказала она и с явной опаской пожала протянутую руку.

Что-то было не так с этим именем. Похоже, оно ей совсем не нравилось. Вон как расстроилась. Илья пригляделся к девушке повнимательнее. В ярком электрическом свете ее длинные, до талии, волосы отливали синевой, а кожа была смуглой и бархатистой. Интересно, его новая знакомая не использует и сотой части средств из арсенала современной женщины и умудряется оставаться такой свежей. Картину несколько портили синие тени под глазами. Может, она, как все кошки, ведет ночной образ жизни и поэтому недосыпает?

– Сима – какое-то кошачье имя, – решил он нарушить молчание.

– Нормальное имя! – Она буквально швырнула в него зашитой курткой.

– Спасибо.

– Не за что. Давайте ужинать.

Илья ел жареные сосиски впервые.

«Питаться нужно только здоровой пищей», – говорила его мама.

Оказалось, что нездоровая, напичканная холестерином сосиска, да еще с жареной картошкой – это очень вкусно.

Потом они пили чай с липой, потому что зеленый чай с жасмином мог подорвать Симин бюджет. Рассказывая про бюджет, она впервые с момента их встречи улыбнулась. На

ее щеках тут же появились задорные ямочки.

Илья напрягся – эта улыбка и эти ямочки...

– Да что вы на меня так смотрите?! – нахмурилась она, и недавнее очарование исчезло.

– Как – так? – спросил он иронично.

Из короткого, но очень эмоционального монолога выяснилось, что Сима не любит, когда на нее смотрят вообще и мужчины в частности.

Вот так новость! Из своего опыта общения с представительницами слабого пола Илья знал, что обычно женщинам нравится, когда на них смотрят. Получается, у его маленькой кошечки есть большие комплексы. С чего бы это?

Их разговор грозил закончиться ссорой, а Илье не хотелось, чтобы такой замечательный день завершился на печальной ноте. Он понял, что самое время откланяться.

Симка! Ты чокнутая! Просто полная дура! – Инка, ее единственная лучшая подруга, раздраженно встряхнула мудрено подстриженной челкой.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – сказала Сима, не отрываясь от нарезания шоколадного торта, который принесла с собой подруга.

– Ничего я не преувеличиваю! – возмутилась Инка. – Это же надо додуматься – привести в дом бомжа! Ты проверяла, ничего не пропало?

– Ну что у меня можно украсть? – пожалала Сима плечами.

– Все равно, это очень опасно! – стояла на своем подруга. – Он мог тебя изнасиловать.

– Инна! Он спас меня от изнасилования.

– Это еще ничего не значит. Может, он просто устранил конкурентов, чтобы ты досталась только ему. Он хоть не очень старый, этот твой бомж?

– Он не мой! – возмутилась Сима.

– Понятно, что не твой. Еще чего не хватало! Ну, так сколько ему лет?

– Двадцать пять – тридцать.

– Такой молодой – и уже бомж! Воняло от него, наверное?

– Не воняло. – Симе стало обидно за своего бомжа. – И вообще, прежде чем сесть за стол, он помылся.

– Где? – Инка не сводила с нее настороженного взгляда.

– В моей ванной. Где же еще?

– С ума сойти! – Подруга закатила глаза. – Надеюсь, ты ему спинку не терла?

– Инка!

– Да ладно, не обижайся. Просто все это как-то необычно. А он симпатичный?

– Честно? – Сима вспомнила светло-русые волосы, пресс «кубиками» и сразу покрылась нездоровым румянцем. – Он очень красивый, только глаза...

– Что глаза? – Инка нетерпеливо подалась вперед.

– Они какие-то жесткие.

– А ты и глаза успела разглядеть... Симуля, может, ты влюбилась?

– Ну, конечно. Всю жизнь мечтала влюбиться в бомжа. Не говори глупостей, лучше чай разливай.

– Чай с липой?

– Нет, с жасмином! – огрызнулась Сима.

– Дался тебе этот жасмин! Пила я такой чай. Ничего особенного! – Подруга достала из шкафчика разномастные чашки, спросила осторожно: – Ты посуду хоть продезинфицировала после своего гостя дорогого?

– И посуду продезинфицировала, и ванну с порошком почистила, и полы с хлоркой вымыла.

– Вот это правильно. Нам тут только заразы всякой не хватало. – Инка разлила чай по чашкам. – Ты тортик-то кушай.

Специально для тебя шоколадный покупала. Не понимаю, как можно так самозабвенно любить шоколад?! Кстати, хочешь, в следующий раз я принесу чай с жасмином?

– Принеси. – Сима положила себе кусок торта.

– Но ты же понимаешь, что я действую не из чистого альтруизма? У меня есть шкурный интерес. Дашь духами пользоваться?

– Дам.

Инка сорвалась с места и вернулась уже с флаконом духов.

– Не понимаю тебя, Вишневская. Такой парфюм обалденный, а стоит без дела.

– Не начинай.

– А что такого? Только заходит речь о твоей мамашке бесовестной, как ты сразу тушуешься.

– Я не тушуюсь. Просто мне неприятны ее подарки.

– Можно подумать, она тебе делала много подарков! Только эти несчастные духи...

– Мне от нее ничего не нужно! – отрезала Сима.

– Ну конечно! Ты же у нас гордая! А вот я, например, вообще удивляюсь, как таких кукушек, как твоя маман, земля носит. Подкинула ребенка больной родительнице и думать о них забыла. Сама как сыр в масле катается, а вы...

– Я уже достаточно взрослая. Могу сама себя обеспечить. – Симу тяготил этот разговор.

– Ты же не всю жизнь была взрослой! – Инка тряхнула мудреной челкой. – Да ладно – ты! А Мария Илларионов-

на? Она же совсем беспомощной под конец жизни стала! Вся твоя зарплата копеечная ей на лекарства уходила. А эта... И не надо на меня так смотреть! Что думаю, то и говорю! Эта дрянь даже на похороны не пришла! У, ненавижу таких... – Инна в сердцах врезала кулаком по столу. Жалобно тренькнули чашки.

– Не ломай мебель, – попросила Сима.

– Было бы что ломать, – сказала Инка уже более спокойно.

Сима улыбнулась – вот такая у нее подруга. Режет правду-матку, не обращая внимания на последствия, за что потом сама же и страдает. Впрочем, в данном случае у нее было моральное право говорить такие жестокие вещи.

Они дружили с раннего детства. Жили в одном подъезде, учились в одном классе. В детстве Инка часто болела и больше времени проводила дома, чем в детском саду. Светлана Ивановна, ее мама, постоянно ломала голову, куда пристроить любимое чадо. На ее работе и слышать не хотели про больничные листы. Или работай, как все, или увольняйся. Помощь пришла в лице Марии Илларионовны, которая к тому времени уже вышла на пенсию.

«Там, где один ребенок, там и два. Не таскай ты Инку в детский сад. Я за ней присмотрю. И Симке будет веселее».

Так и получилось, что жили они одной семьей. Днем о девочках заботилась бабушка. Вечером вахту принимали Инкины родители. Возможно, благодаря их стараниям Сима никогда не чувствовала себя сиротой.

Девять лет назад Виталию Борисовичу, Инкиному отцу, предложили пост главного редактора никому не известного малотиражного журнала. До этого он полжизни проработал в редакции газеты «На страже» и очень сильно рисковал, меняя маленький, но стабильный заработок на призрачные перспективы.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, – сказала тетя Света, и они рискнули.

Как впоследствии оказалось, не напрасно. За несколько лет захудалое издание превратилось в суперпопулярный мужской журнал «Хозяин жизни», тиражи которого неуклонно росли, а вместе с ними росло благосостояние семьи Шелестов. Призрачные перспективы стали реальностью. И вот однажды Инка сказала:

– Все, Сима, мы переезжаем.

– Куда? – Симе в тот момент показалось, что окружающий мир рушится.

– В новые хоромы, более подходящие папкиному статусу. Мне теперь в другую школу придется ходить.

Сима разревелась. Ну почему жизнь к ней так несправедлива! Отбирает самых близких людей...

– Эй, ты чего сырость разводишь? – оторопела Инка. – Я же не на край света уезжаю!

– Да, всего лишь на другой край города...

– Ну и что? Ничего ведь не изменится. Веришь?

В их отношениях действительно все осталось по-старому.

Просто Инка теперь ходила в элитную школу, одевалась в фирменные одежды и летние каникулы проводила не в деревне у бабушки, а за границей. Но сама она при этом ничуть не изменилась. Впрочем, как и ее родители. Симу по-прежнему считали членом семьи. Часто она оставалась на ночь в их новой квартире. Тогда они с Инкой болтали до рассвета, а утром тетя Света ворчала, что их невозможно добудиться, и кормила вкусными блинчиками с творогом и вареньем.

Домой Симу отвозил личный водитель Виталия Борисовича. Она сидела в полумраке пахнущего кожей и сигаретами салона и фантазировала, что когда-нибудь у нее будет вот такой же роскошный автомобиль и личный шофер.

Сима оканчивала десятый класс, когда у бабушки случился инсульт. Если бы не Инкины родители, неизвестно, как бы они справились с этой бедой.

Виталий Борисович устроил бабушку в хорошую клинику. Тетя Света каждый день носила ей домашнюю еду. Симу они забрали к себе. Теперь в школу ее, как и Инку, отвозил личный шофер. Мало того, мама подруги нашла Симе репетиторов и целый год оплачивала занятия. Благодаря ее стараниям Сима легко поступила в архитектурно-строительный институт.

Бабушка так и не оправилась после инсульта. Последние годы жизни она очень болела. Симе пришлось перевестись на заочное отделение и устроиться офис-менеджером в небольшое архитектурное бюро. Офис-менеджер – это толь-

ко звучит красиво, а на самом деле под таким благозвучным названием скрывалась должность «подай-принеси».

Сима была уборщицей, курьером и секретарем в одном лице. Работа оказалась неинтересной и малооплачиваемой, но выбирать не приходилось. Денег катастрофически не хватало, и Сима стала шить одежду на заказ. Этому в свое время ее научила бабушка, всю жизнь проработавшая закройщицей в швейном ателье. «Знания за плечами не носить», — любила повторять бабушка. Вот знания и пригодились.

А Инка пошла по стопам отца. Сейчас она училась на пятом курсе журфака и параллельно подрабатывала в «Хозяине жизни».

Сима с сожалением посмотрела на остатки торта. Достаточно, она и так съела три куска.

– Шоколадоманка, – Инка проследила за ее взглядом. – Следующий раз принесу торт в два раза больше.

– А что за мероприятие у тебя намечается? – Сима обрадовалась, что разговор перешел в нейтральное русло.

– Скажешь тоже, мероприятие! У меня намечается романтический ужин, который, надеюсь, перейдет в романтическую ночь.

– Ну и с кем на этот раз? – спросила Сима с ноткой иронии.

У Инки каждый месяц случался «романтический ужин», но, как правило, до «романтической ночи» дело так и не доходило. Кавалер оказывался либо занудой, либо моральным

уродом. А чаще всего совмещал в себе все вышеперечисленные качества. С романтическими свиданиями Инне Шелест не везло, но она до сих пор с оптимизмом смотрела в будущее.

– Я тебе все расскажу послезавтра. Боюсь сглазить. Он потрясающий! В тысячу раз лучше других!

– Ты меня заинтриговала. Ну хоть намекни!

– Он бизнесмен. Я буду его интервьюировать, – Инна мечтательно вздохнула.

– Интервьюировать? Это сейчас так называется?

– Ой, я тебя умоляю! Давай без нравоучений. Мне хватает родителей. Так, где мои духи? – Инка сгребла со стола золотистую коробочку. – Все, я полетела. Подробности послезавтра. – Она сорвалась с места.

Сима посмотрела на захлопнувшуюся дверь. В этом вся Инка – порывистая, рисковая. Не то что она – серая мышка, или скорее серая кошка...

«Господин Северин, рады сообщить, что Вы стали победителем в Игре месяца. Сумма в 30 тысяч долларов перечислена на ваш личный счет. Благодарим за участие».

Илья еще раз перечитал текст электронного послания и выключил компьютер. Теперь Вовка с него не слезет – придется проставляться.

– Что-то тебе подозрительно везет, – заявил Вован. – И в любви тебе везет, и в Игре тебе везет. По-моему, тут что-то нечисто.

Они сидели в маленьком французском ресторанчике – праздновали победу Ильи.

– Ума не приложу, как тебе удалось распродать эту чертову редиску, если даже я, со своим обаянием и харизмой, не справился!

– Да уж, странно, что ты, со своей харизмой, не смог завлечь клиентов? – Илья сделал вид, что удивился.

– Попрошу без иронии! – Вован сделал вид, что оскорбился.

Вообще-то, «харизма» у Владимира Яковлевича Данченко была еще та. Острый ум и блестящее образование поразительным образом сочетались с внешностью главаря бандитской группировки. Плотный, коренастый, почти прямоугольный, с крупной шишковатой головой, низким лбом и

массивной нижней челюстью... Картину не могли исправить ни элегантные очочки в золотой оправе, ни сшитые на заказ костюмы, ни дорогой парфюм. Даже когда он мило улыбался, официанты, крупные, секретарши и прочие впадали в ступор и далеко не сразу соображали, что от них хочет этот страшный тип с хищным оскалом и тяжелым взглядом. Вообще-то, Вован был добрейшим человеком, просто знали об этом немногие.

– Давай колись, как тебе удалось продать всю редиску. – Вован сверлил друга своим самым грозным взглядом. – Ну, признайся, что смухлевал. Обещаю никому об этом не рассказывать.

– Ты действительно считаешь, что есть способ обмануть наблюдателей со всей их шпионской аппаратурой? – Илья поднял свой бокал, посмотрел на просвет. – Хорошее вино.

– Хорошее вино – это текила, – глубокомысленно заметил Вован. – Так ты правда не мухлевал?

– Простое везение. Я думал, что никогда не распродам эту редиску. От меня даже бродячие собаки шарахались, а потом я встретил девушку...

– Я встретил дэвушку, полумесяцем бровь... Это уже интересно. – Вован опрокинул в себя бокал вина.

Илья неодобрительно посмотрел на друга. Как можно пить залпом такое вино!

– Что же было дальше? – Вован не обратил никакого внимания на его многозначительный взгляд.

– А дальше я ее так достал, что она отдала последнюю сотню, лишь бы поскорее избавиться от моего общества.

– Последнюю сотню? – В голосе друга слышалось сомнение. – А тебя, ирода, совесть не замучила? Отобрать у бедной дэвушки последние дэнги! – Друг неодобрительно поцокал языком.

– Представляешь, замучила.

– И что?

– Я пошел за ней.

Вован удивленно присвистнул.

– Это круто! Впервые не дэвушка пошла за тобой, а ты пошел за дэвушкой. Видимо, это была какая-то совершенно особенная дэвушка.

– Ничего особенного, – отмахнулся Илья.

– Тогда что тобой двигало?

– Я же уже объяснил – муки совести.

– И как? Успокоил свою совесть?

– Не то слово! Я даже отработал отнятые нечестным путем деньги.

– Это как?

– Спас дэвушку от бандытов.

– Seriously?

– Совершенно серьезно, – Илья усмехнулся. – Мало того, я еще проводил прекрасную даму домой, и она, в знак благодарности, пригласила меня на ужин.

От удивления Вован перестал жевать.

– Ты хочешь сказать, что есть еще такие, которые из чистого альтруизма готовы накормить ужином бомжа?!

– Я у нее еще и душ принял, – скромно присовокупил Илья.

– Ну, полный улет! Она что, законченная дура?

– Почему дура? – возмутился Илья. – Очень даже умненькая.

Он подозвал официанта:

– Еще вина, пожалуйста.

– А мне текилы, – добавил Вован.

– Текилы нет. – Официант вытянулся по струнке.

– Нет текилы! Это большое упущение! – Вован нахмурился. – Ну и что, что у вас французский ресторан?! В любом уважающем себя заведении должна быть текила.

– Владимир, не надо так волноваться. Держите себя в руках. – Илья жестом отпустил бледного от пережитого стресса официанта. – И чего ты к парню прицепился? – обратился он к другу.

– Да так просто, – Вован довольно улыбнулся, – харизму проверял. Ты мне лучше объясни вот какую вещь: ладно, тебя совесть замучила, а что двигало ею?

– Кем? – спросил Илья рассеянно.

– Да дэвушкой умненькой. Если она такая умненькая, чего ж она тогда с бомжем связалась?

– Может, он ей понравился?

– Кто «он»?

– Бомж. То есть я. – Илья поднял свой бокал.

– Не ве-рю! – сказал Вован убежденно.

– Во что ты не веришь? – Северин пригубил вино.

– Не верю, что женщине может понравиться опустившийся, вонючий мужик. Она сама, часом, не того, не бомж?

– Она нормальная! – Илью начал раздражать этот разговор. – Она нормальная, и я ей понравился.

– Насколько сильно? – не унимался друг.

– Настолько, что она села со мной за один стол.

– Эка невидаль! Вот если бы она легла с тобой в одну постель...

– И легла бы, если бы я захотел. – Илья сердито покосился на друга.

– Да ну?

– Точно.

– Спорим?

– Спорим!

– Вот и чудненько! – Вован потер руки. – Спорим по-крупному?

– Десять тысяч.

– Ого! Круто! Значит, так, ты должен уложить ее в постель в срок... ну, скажем, в трехмесячный срок. Идет?

– Идет.

– При этом для нее ты должен оставаться бомжем, – поспешно уточнил друг.

– А доказательства? – спросил Илья.

– Какие доказательства?

– Доказательства, что я с ней переспал.

– Да, это проблема... – Вован поскреб подбородок. – На слово я тебе не поверю, и не надейся. Но ты обязательно придумаешь, как познакомить свою дэвушку с лучшим другом, а там я уже сам разберусь, что к чему. По рукам?

– По рукам.

– Эх, за такое пари не грех и выпить! – Вован поднял бокал. – «За полное погружение»!

– Готовь денежки! – Вопреки собственным правилам, Илья выпил вино залпом.

Илья проснулся от телефонного звонка. Голова раскалывалась.

– Алло! – рявкнул он в трубку.

– Хватит спать, соня! – слышался бодрый голос Вована.

– Пошел к черту!

После французского ресторана они, по настоянию Данченко, посетили еще чуть ли не десяток зланных мест. Начавшийся так пристойно вечер закончился самой заурядной попойкой.

– Помираешь? – поинтересовался друг.

– А ты как думаешь? Чего надо?

– Да вот, про пари решил напомнить.

– Про какое пари?

– Ну, ты даешь! Забыл уже про проект «Полное погруже-

ние»?

Илья замотал башкой. От встряски шум в ней только усилился, а вот мыслей никак не прибавилось. Кажется, было какое-то дурацкое пари...

– Так наш договор в силе?

– В силе. Только дай мне выспаться, ирод! – взмолился Илья. – У меня еще интервью сегодня.

– Какое издание решил осчастливить?

– «Хозяин жизни».

– О! Высоко летаем! А меня вот не зовут. Составишь протекцию?

– Составлю, если ты положишь трубку. Немедленно!

– Слушаюсь! – В трубке послышались короткие гудки.

Илья отшвырнул телефон и рухнул в постель.

В дверь настойчиво позвонили.

Ну кого еще принесло в такую рань?! Что за невезение! В кои-то веки она решила выспаться, и нате вам – гости!

Сима выползла из-под одеяла, накинула халат и прошлепала к двери.

– Кто там?

– Открывайте, ФСБ! – слышался бодрый голос.

– Угу, я уже трепещу! – Сима распахнула дверь.

На пороге стоял долговязый парень. В руках он держал огромную коробку конфет.

– Заходи, ФСБ, – Сима посторонилась.

Парень ввалился в прихожую, сунул ей в руки коробку.

– На.

– Давай. – Она забрала конфеты.

Парень неспешно сбросил кроссовки, пригладил взъерошенные русые волосы и жалобно посмотрел на Симу:

– Дашь похавать чего-нибудь?

– Яичница устроит?

– Устроит, – милостиво согласился гость, – только она должна быть очень большой. А мясо есть?

– Есть колбаса «Докторская».

– Тогда мне яичницу с колбаской, будь так любезна. Конфеты можешь оставить себе.

– Да что ты говоришь?! И как это я сама не догадалась?! Иди мой руки.

– Ну, что у тебя стряслось, Вадик? – Сима сидела за столом, подперев кулаком щеку, и наблюдала, как сводный брат расправляется с ее недельным запасом яиц и колбасы.

– С мамулей нашей поругался, – с набитым ртом пробубнил тот. – Не сошелся характером с ее новым хахалем. Слушай, можно я у тебя до завтра перекантуюсь?

– А что изменится завтра? – поинтересовалась Сима.

– Завтра я к кому-нибудь другому переберусь, – отмахнулся Вадик.

– И долго ты так кочевать собираешься?

– Надеюсь, что недолго. Может, маман одумается и начнет меня искать.

Сима вздохнула. Ей бы очень не хотелось, чтобы «маман» стала искать своего блудного сына в ее квартире, но отказать любимому братцу она не могла...

Вадик ворвался в ее жизнь как сквозняк, легко и бесцеремонно. На следующий день после памятного разговора с мамой в дверь позвонили.

– Привет, сеструха!

– Привет!

Она с любопытством рассматривала стоящего на пороге молодого человека. Кожаные штаны, кожаная куртка, ботинки на «тракторной» подошве и черный мотоциклетный шлем

под мышкой.

– Я Вадик. – Парень широко улыбнулся, на заросших редкой щетиной щеках появились ямочки.

– Проходи, Вадик, – Сима посторонилась.

Эти застенчивые ямочки на щеках как-то плохо сочетались с общим агрессивно-независимым видом. Брат еще раз улыбнулся и вошел в квартиру.

Они не виделись несколько лет. Сима запомнила его долговым, нескладным подростком с колючим взглядом и пресыщенным выражением на прыщавом лице. Такое выражение почему-то бывает именно в подростковом возрасте. Тогда они не произвели друг на друга никакого впечатления. Бабушка уже тяжело болела, и Симе не было дела до подростковых комплексов сводного братца – своих забот хватало. А Вадика мало интересовала какая-то двадцатилетняя старуха.

На сей раз все оказалось по-другому. Не было колючих взглядов и саркастических усмешек. Был довольно симпатичный молодой человек с открытым лицом и ямочками на небритых щеках.

– А ты изменилась, – сказал тогда Вадик. – Тебе говорили, что у тебя кошачьи глаза?

Сима утвердительно кивнула. Всю свою сознательную жизнь она слышала подобные высказывания. Обычно люди приходили в легкое замешательство, когда впервые заглядывали ей в глаза. Особо суеверные даже осеняли себя крестом.

Она привыкла. Она привыкла даже к тому, что с детства почти всех интересовала ее национальность. И к насмешкам, и к расистским высказываниям тоже привыкла.

Ну родилась она такой желтоглазой уродиной! И что с того?

– Очень эффектно! Просто улет! Мне бы такие глазищи! – Вадик снял косуху и пристроил ее в углу. – Вешать не рекомендуется, слишком тяжелая, – объяснил он.

– Чай будешь? – Сима улыбнулась. Братец ей, определенно, нравился.

– Мне бы пожрать чего-нибудь. – Вадик быстро осваивался. – И... можно я у тебя сегодня переночую, по-родственному? – Он жалобно посмотрел на растерявшуюся Симу. – Да ты не волнуйся. Я на кухне на полу могу устроиться. Или вот прямо здесь, на коврике.

Сима улыбнулась:

– Пошли поедим, а потом решим, где тебя пристроить.

– Так ты меня что, оставляешь? – недоверчиво спросил Вадик. – То есть ты не из вежливости?..

– Нет, я так, по простоте душевной, – усмехнулась Сима. – Шлем можешь на полку положить.

– Ну, сеструха! Не ожидал! Думал, что ты такая же, как мамочка, а ты человек! Чувствуется, что тебя не коснулось ее тлетворное влияние.

– А тебя коснулось?

– Не то слово! Накрыло с головой! А что у нас сегодня на

обед?

– На обед пельмени.

Уплетая за обе щеки пельмени, Вадик рассказывал про свою жизнь:

– С маман последнее время просто беда! Каждый месяц – новый мужик. И заметь, с каждым разом все моложе. Скоро, чего доброго, на моих друзей переключится. Но что характерно, сама ведет распутный образ жизни, альфонсов всяких прикармливает, а я должен быть пай-мальчиком. Никаких байков. Никакого пива. Никаких баб. Никаких ночных тусовок. Учиться, учиться и еще раз учиться! Я ей пытался по-нормальному объяснить, что я уже самостоятельный чувак. А она, вместо того чтобы принять как данность мои скромные потребности, сразу же кислород перекрывает. А куда мне без бабла? Травку не купить, бензина не купить, девок в ресторан не сводить... Несправедливо получается. Вот я из дома и утек. В воспитательных целях, так сказать. Пусть ее совесть помучает.

– А сам зарабатывать не пробовал? – ехидно поинтересовалась Сима.

– Сам? Да ты че?! Я же еще маленький!

– Да? А по-моему, кто-то говорил про самостоятельного чувака?

Вадик не услышал сарказма в ее голосе. Или сделал вид, что не услышал.

– Я у тебя несколько дней поживу? – сказал он полуутвер-

дительно.

Сима пожала плечами:

– Оставайся.

Балбес и эгоист, но не злой и очень обаятельный.

И к тому же он ее брат, ее семья...

С того самого дня Вадик стал частым гостем в ее квартире. Иногда, как сегодня, он приезжал к ней после ссоры с матерью. Но чаще ему требовалось место для интимных свиданий.

«Симуля! Ну, войди в мое положение! Она девушка моей мечты! Не на скамеечке же нам встречаться?! Два часа, Симуля! Всего два часа! Я умоляю! От тебя сейчас зависит моя дальнейшая жизнь! Ну, будь человеком! С меня килограмм шоколадных конфет!»

Такого рода просьбы Симе очень не нравились. Ей не хотелось уходить из дома и два часа слоняться по улице. Тем более что после очередного романтического свидания приходилось делать генеральную уборку. Почему-то ни одна из девиц, которых приводил Вадик, не считала нужным убрать за собой постель, ополоснуть бокалы и вытереть лужи воды на полу в ванной. Наверное, эти приземленные занятия могли разрушить ауру чувственности и романтизма. Сима о чувственности имела весьма размытое представление. Зато о чистоте и порядке знала достаточно. Видимо, поэтому и придавала излишнее значение таким мелочам, как переполненная окурками пепельница. Пепельница выводила ее

из душевного равновесия. Однажды Сима не выдержала и устроила Вадику настоящий разнос. После этого брат старался оставлять квартиру в более или менее приличном состоянии. Во всяком случае, пепельница теперь всегда была вымыта, а диван застелен.

Узнав, что сегодня ей нужно предоставлять кров только одному Вадику, Сима вздохнула с облегчением. На этой неделе ей хватило неожиданных гостей.

Вадик задержался на все выходные. Он хандрил, маялся бездельем и доставал ее рассуждениями о смысле жизни. К вечеру воскресенья братец решил, что маман уже достаточно наказана, и включил наконец свой телефон. Мобильный тут же зазвонил.

Вадик неспешно поднес трубку к уху, минут пять просто молча слушал, а потом с неохотой сказал: «Хорошо, скоро буду».

– Все, маман раскаялась, – весело сообщил он. – И, кажется, собирается купить мне тачку! Ладно, сеструха! Некогда мне тут прохлаждаться, я полетел!

Он чмокнул Симу в щеку и испарился.

Сима устало опустилась на табурет. Вадик неплохой парень, но общаться с ним два дня подряд очень утомительно. У нее скопилось много заказов, но за выходные она так и не смогла подойти к швейной машинке. Придется наверстывать этой ночью. Опять начальник будет придираться, что у

нее тени под глазами. Клиентов, видите ли, раздражает, когда его сотрудники плохо выглядят. Можно подумать, кто-то из клиентов обращает внимание на уборщиц!

Сима потянулась. Прежде чем садиться за шитье, придется подумать о хлебе насущном. Весь ее провиант уничтожен Вадиком. Придется топать в магазин. Хорошо еще, что она одолжила денег у Инки. Кстати, куда подевалась подруга? «Послезавтра» уже давно наступило.

Сима возвращалась из магазина. Теперь она за версту обходила злополучный сквер. Это просто счастье, что тогда поблизости оказался Илья. Сима замедлила шаг. Она впервые подумала о своем спасителе не как о бомже, а как о человеке с именем. И вообще, нечего о нем думать! У нее своих забот хватает! Сима оглянулась, точно опасаясь, что ее мысли могут подслушать, и ускорила шаг.

В подъезде царил полумрак. Лампочка была на последнем издыхании и лишь вяло подмигивала, вместо того чтобы светить как полагается. От этого мигания у Симы закружилась голова. Она закрыла глаза, на ощупь отыскивала в сумочке ключи от квартиры.

За спиной послышался шорох. Она вздрогнула, ключи со звоном упали на пол.

– Извините, я вас напугал. – Из полумрака выдвинулась темная фигура. Бомж Илья, легок на помине, караулил ее на лестничной клетке.

– Вы меня не напугали, – сердито буркнула Сима и принялась шарить рукой по полу: ключи не могли улететь далеко.

– Я помогу, – он присоединился к поискам.

– Не нужно, я сама. Вы весь свет загородили.

– Вдвоем будет быстрее, – не сдавался бомж.

Пахло от него очень приятно – тонкий, едва уловимый аромат. Какой-то до боли знакомый запах... На несколько секунд Сима отвлеклась от поисков. Что же это за запах?

– Нашел! – Послышалось металлическое звяканье.

– Ну, давайте же! – сказала она нетерпеливо и протянула руку.

Никакой реакции. Мужчина даже не шелохнулся.

Сима занервничала. Наверное, он все-таки решил ограбить ее квартиру. В прошлый раз присматривался, а сегодня вышел «на дело», вон что-то прячет за спиной – скорее всего, лом... А тут она явилась со своими ключами и облегчила ему задачу. Права была Инка, на все сто права... Что же теперь делать? Сима почувствовала дрожь в коленках. Может, закричать, позвать на помощь?..

Она не закричала. Вместо этого сказала как можно решительнее:

– Верните немедленно мои ключи!

Мужчина сделал шаг. Сима попятилась и уперлась спиной в дверь.

Все! Дальше отступать некуда. Сейчас он легонько тукнет ее локотком по голове, откроет дверь ее же ключами и выне-

сет весь ее нехитрый скарб...

Спина стала влажной от страха.

– Сима, – позвал бомж тихо, – не нужно меня бояться. Вот ваши ключи. – Он встряхнул связкой.

Девушка шумно вздохнула.

– Я вас не боюсь. Сколько можно повторять?

Она осторожно, кончиками ногтей, подцепила брелок, чтобы, не дай бог, не коснуться его руки.

Попытка не удалась – ключи выскользнули и шлепнулись обратно на его ладонь.

– Не волнуйтесь, – сказал он насмешливо. – Я сегодня вымыл руки, и даже с мылом.

– Ничего я не волнуюсь! – Сима решительно взяла ключи.

У него была горячая, гладкая кожа. Почему она такая гладкая? Он же бомж! Впрочем, ей-то какое дело? Сима повернулась к мужчине спиной, сунула ключ в замок. Ключ скользил во влажных пальцах, замок ни за что не желал открываться.

А еще это дыхание за спиной... Она его просто кожей чувствовала.

Ну что этому Илье нужно? Почему он ее преследует?

Сзади опять послышался шорох. Сима зажмурилась. Перед внутренним взором вспыхнула яркая картинка: бомж со зловещим выражением лица достает из-за спины лом и подкрадывается к ней. Еще секунда, и ее бедная голова расколется...

Нет! Это выше ее сил... Сима стремительно обернулась.

Он стоял прямо за ее спиной и держал в руке не лом, как она себе нафантазировала, а ветку жасмина. Вот, значит, откуда этот запах...

— Это вам, — сказал он.

— Мне? — Сима совершенно растерялась.

Еще мгновение назад она думала, что этот человек собирается ее пришибить, а вместо этого он дарит ей цветы. Она прожила двадцать два года, и никто ни разу не дарил ей цветов. Она понятия не имела, как нужно себя вести в такой ситуации.

— Они немного помялись, — сказал бомж Илья извиняющимся тоном.

— Ерунда, — Сима осторожно коснулась крошечного лепестка, — они просто замечательные и так хорошо пахнут.

— А еще их можно будет засушить и заваривать с чаем, — улыбнулся он.

Сима еще раз понюхала ветку жасмина.

Как же ей быть? Впервые в жизни мужчина подарил ей цветы. Что ей теперь делать с цветами и с мужчиной? Сказать спасибо и захлопнуть у него перед носом дверь? Это будет правильно?

— Илья, а хотите чаю с конфетами? — выпалила она.

Он внимательно посмотрел ей в глаза:

— Хочу.

— Тогда входите, — Сима решительно распахнула дверь.

Гость переступил порог, и в ее маленькой прихожей стало совсем тесно.

– Вы пока раздевайтесь, – Сима старательно не смотрела в его сторону, – а я поставлю цветы в воду.

Почему-то у нее совсем вылетело из головы, где стоит ваза. Она так редко ею пользовалась...

Наконец чудесная ваза богемского стекла, бабушкина реликвия, отыскалась. Сима поставила в нее ветку жасмина.

Получилось очень красиво.

Она пристроила вазу на журнальный столик и вернулась к гостю. Он уже снял куртку и свою дурацкую вязаную шапку и заканчивал разуваться. На сей раз на ногах у него были носки, старые, вытертые на пятках. Илья проследил за ее взглядом.

– По ночам босиком холодно. Пришлось купить носки в секонд-хенде. Я нашел очень хороший секонд-хенд, – пояснил он.

– А где вы ночуете? – спросила Сима и прикусила язык. Она вовсе не собиралась задавать этот щекотливый и, в общем-то, бестактный вопрос. Как-то само собой получилось.

К счастью, ее гость не обиделся.

– Когда как, – сказал он. – Иногда на вокзале. Иногда на чердаках, а если повезет – в ночлежке. В ночлежке, конечно, лучше всего. Там можно поесть и помыться. Знаете, самое плохое, когда нет возможности вымыться. Даже с голодом мириться легче. – Он застенчиво улыбнулся: – Извините, что

посвящая вас в такие интимные подробности.

– Не нужно извиняться. – Симе самой было неловко. – А давайте я сейчас быстренько организую нам ужин, а вы тем временем примете душ.

– Спасибо. Только мне не хочется вас напрягать.

– Перестаньте! – Она отмахнулась. – Все равно ужин будет готов не сразу. Что вам без толку сидеть?

Сима направилась на кухню.

– Полотенце – на вешалке. Все остальное, как и прежде, на полке! – крикнула она уже оттуда.

Илья закрыл дверь в ванную и подмигнул своему отражению. Похоже, он выбрал правильную тактику. Почти всем женщинам не чуждо чувство жалости, а у этой Желтоглазой оно, по всей вероятности, в крови. И цветочки – это верный ход. Бедная девочка, она смотрела на несчастную ветку жасмина так, словно это не простая ветка, а как минимум очень редкий сорт орхидеи. Ей что, никогда не дарили цветов? Это вряд ли. Такой хорошенькой барышне наверняка многие оказывали знаки внимания.

Илья включил воду и осмотрелся.

Вместо розовой мочалки на бортике ванны лежала зеленая. Значит, розовую она все-таки выбросила. Ничего удивительного. Он бы и сам так поступил. Но, несмотря на эту вполне здравую мысль, Илья почувствовал легкую обиду.

Он потянулся за флаконом «Шампуня травяного для всех типов волос». Может, ничего страшного не случится, если

он вымоет голову эти чудом отечественной химической промышленности? Вон у Симы какая копна волос! Илье вдруг захотелось почувствовать, какие они на ощупь, намотать на палец упругую прядь.

Странные мысли. Никогда раньше ему не хотелось ничего подобного.

Доставая с полки шампунь, он обратил внимание, что духи, так впечатлившие его в прошлый раз, исчезли. Может, она переставила их в другое место?

К моменту, когда Илья вышел из ванной, Сима успела накрыть на стол и переодеться в домашнюю одежду – ярко-зеленую майку и давешние порванные джинсы. Дыру на колене она прикрыла заплаткой в виде сердечка – на улицу, конечно, не выйдешь, а для дома вполне сгодится.

– С легким паром. – Девушка оторвалась от плиты и улыбнулась гостю: – Прошу к столу.

Слава богу, на сей раз он не разгуливал по ее дому с голым пузом. Пресс «кубиками» был целомудренно прикрыт футболкой.

Ужин прошел в «непринужденной и дружеской атмосфере». Неожиданно выяснилось, что Илья очень приятный собеседник. Несколько раз Сима ловила себя на мысли, что у ее странного гостя грамотная, почти литературная речь. Кем же он был до того, как стал бомжем?

– Илья, можно задать вам бестактный вопрос? – Любопытство, в конце концов, взяло верх над хорошими манера-

ми.

– Пожалуйста. Сколько угодно!

Симе показалось, что, несмотря на легкомысленный тон, ее гость внутренне напрягся. Не стоило лезть с глупыми вопросами, но сказала «а», говори «б»...

– Кто вы, Илья?

– В смысле?

– Ну, вы не похожи на обычного... бездомного.

– Да? – иронично усмехнулся он.

– Я хочу сказать, что вы разговариваете как интеллигентный, образованный человек.

– А что, интеллигентный человек не может стать бомжем?

– Я не знаю... Извините меня, ради бога, – она окончательно смутилась.

– Ничего страшного. Я постараюсь ответить на ваш вопрос. – Илья вдруг стал совершенно серьезным. – Я не знаю, кто я такой.

Сима растерянно моргнула. Она ожидала любого ответа, но к такому оказалась не готова.

– Просто однажды я очнулся на вокзале, с разбитой головой, полураздетый, без денег, без документов и без воспоминаний...

Сима ахнула.

– Думаю, я ответил на ваш вопрос? Вас ведь не интересует рассказ, как я стал тем, кем стал...

– Но так же нельзя! – пришла она в себя. – Нужно было

обратиться в полицию.

– Сима, вы так наивны! В полиции со мной никто не стал разговаривать.

– Почему?

– Почему? Вы ведь сами не выказали особой радости от общения с бомжем.

Сима покраснела до корней волос:

– Я же не знала...

– Что вы не знали? Вы видели перед собой человека второго сорта, только и всего.

Неплохая легенда у него получилась. Ничего не помню, ничего не знаю. Теперь, если вдруг случатся ляпы, можно будет все списать на амнезию. Только, кажется, он немного перегнул палку. Девочка вот-вот расплачется.

– Простите, вы совершенно правы, – сказала она шепотом. – Я видела только фасад.

Сима сгребла со стола пустые тарелки, включила воду.

Ей нужно было время, чтобы успокоиться. Илья сказал правду: она действительно видела в нем только ущербного бомжа. Человека второго сорта. И это при том, что сама не один раз чувствовала себя убогой и второсортной – из-за бедности, из-за сиротства, из-за внешности. Особенно из-за внешности – необычной, чуждой...

Илья растерянно смотрел на узкую, подозрительно вздрагивающую спину. Да, палку он все-таки перегнул. И что те-

перь делать?

Он никогда не умел, да и не стремился утешать. Он жил в мире сильных и жестоких людей. Жалость в этом мире не приветствовалась. И вот прямо сейчас нужно что-то делать с этой чересчур впечатлительной девочкой. Илья встал из-за стола, подошел к ней.

Что дальше? Кажется, она действительно плачет. Может, подождать, пока сама успокоится?

Правильно. Замечательное решение. Но вместо того чтобы подождать, он почему-то осторожно коснулся черных блестящих волос.

Девочка вздрогнула, Илья это отчетливо почувствовал. Он стоял слишком близко, чтобы не почувствовать.

То ли от этой близости, то ли из-за необычности ситуации его тренированное, холеное тело повело себя неадекватно. Пришлось срочно увеличить дистанцию, иначе она тоже это почувствует...

Черт! Черт! Черт!

Вот тебе и «полное погружение»! Так и утонуть недолго!

– Не плачь, – сказал он тихо. – Не надо плакать. Я не хотел тебя обидеть.

– Я не плачу.

– Вот и молодец. – Он не удержался-таки, намотал шелковистую прядь на палец. – У тебя красивые волосы.

В ответ – настороженное молчание. Девочка затаилась, кажется, даже дышать перестала.

– Сима, мы будем пить чай?

– Да.

Она упорно не желала поворачиваться к нему лицом. Отпущенная на свободу иссиня-черная прядь тут же строптиво свернулась в упругую спираль...

Сима закусила губу. Она с детства не выносила, когда к ней подходили ближе чем на метр, и ревностно оберегала свое внутреннее пространство. Когда-то она читала, что подобный дискомфорт испытывают только люди, привыкшие жить на больших и пустынных территориях. Дикари и кочевники. Сима родилась и выросла в мегаполисе, но почему-то очень тяжело переносила близкие контакты. А сейчас ее внутреннее пространство было грубейшим образом нарушено – Илья стоял слишком близко. Мало того, он ее касался.

Сима ощутила неприятную, болезненную тяжесть в затылке. Совершенно чужой человек ворвался в ее мир и при этом еще смеет спрашивать, будут ли они пить чай.

– Сима, – голос был тихий, но настойчивый, – ты скоро протрешь дыру в этой несчастной тарелке. Хватит.

Он перегнулся через ее плечо и закрутил кран. На несколько секунд тяжелое тело прижало Симу к мойке. От него пахло детским мылом и ее собственным шампунем. Неожиданно эти привычные, домашние запахи помогли ей вернуть утраченную гармонию.

– Конфеты – на холодильнике, а чай я сейчас заварю. – Пусть она так и не нашла в себе сил посмотреть ему в глаза, зато голос звучал очень даже бодро.

– Вот и замечательно. Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

– По-моему, мы уже перешли.

Он наконец отошел к столу, и теперь Сима могла вздохнуть свободно.

– Так ты не возражаешь?

– Нет.

Вообще-то, она предпочла бы более официальное общение, но Илья уже шагнул со ступеньки «незнакомец» на ступеньку «случайный знакомый» и, похоже, присматривал место на ступеньке «хороший знакомый»...

Сима задумалась: а нужно ли ей такое знакомство?

Она не знала.

Илья положил на стол коробку дорогуших немецких конфет. Загадочная девушка, ничего не скажешь. «Шампунь травяной для всех типов волос» – и эксклюзивные духи. Сосиски – и немецкие шоколадные конфеты.

– Чай... – Сима поставила перед ним дымящуюся чашку. – Ешь конфеты. Они очень вкусные. Я страшно люблю шоколад. – Она положила в рот крошечное шоколадное сердечко и довольно зажмурилась.

«Ну точно, сытая кошка, – подумал Илья. – Наверное, ес-

ли ее сейчас погладить, она заурчит». У него даже руки зачесались от желания проверить свое предположение.

Еще не время. Всякого зверя нужно сначала приручить. Почему-то Северин был уверен, что на приручение этой желтоглазой кошки времени уйдет не так уж много...

Инка нарисовалась только спустя неделю.

– Извини, подруга. Совсем завертелась. В институте кое-какие неприятности были. И в личной жизни не все так гладко, как хотелось бы. Так что мне срочно требуется снять стресс. – Она выставила на кухонный стол бутылку вина, выложила пакет с фруктами и пачку сигарет. – Сегодня будем расслабляться. Неси бокалы.

Сима подозрительно посмотрела на подругу. Та всегда отличалась несколько эксцентричным поведением, но сегодня вечером эта эксцентрика перехлестывала через край.

– Что случилось? – спросила она осторожно.

– Ничего не случилось! Неси бокалы и пепельницу, а я пока ананас настрогаю.

Инка заговорила только после третьего бокала вина.

– Покуришь со мной? – кивнула она на пачку сигарет.

Сима отрицательно покачала головой. Ее организм категорически отвергал никотин. Всего после нескольких затяжек накатывала тошнота.

– Ну, как знаешь, а я закурю. – Подруга изящным движением выбила из пачки сигарету.

– Как прошло интервью? – поинтересовалась Сима.

– Интервью прошло удачно. Получился очень хороший материал. – Девушка выпустила тонкую струйку дыма.

– А интервьюируемый?

Странно, что болтливой по натуре своей Инке приходится задавать наводящие вопросы.

– Интервьюируемый – само совершенство! Просто идеал мужчины. У нас с ним состоялся очень милый деловой ужин с легким налетом романтики.

– И?..

– Интервью, как ты деликатно выразилась, продолжилось на моей роскошной итальянской кровати. Я получила исчерпывающую информацию обо всем, что меня интересовало... – Подруга надолго замолчала. Сигарета потихоньку тлела в ее пальцах. – Впервые в жизни встретила настоящего мужика, а он оказался мне не по зубам. – Она трагически встряхнула длинной челкой. – Он такую мелюзгу, как я, проглатывает в один присест.

– Погоди, так у тебя с ним что-то было?

– Ну, конечно, было! И мне понравилось!

– Тогда мне непонятны твои страдания. – Сима отправила в рот дольку апельсина.

– Я и сама не могу понять. Давай еще по бокальчику.

Инка выпила вино и в упор посмотрела на Симу:

– Он хищник. Ясно? Я для него всего лишь девочка «на одну ночь», ну или на две... Я вообще очень сильно сомневаюсь, что такого мужчину можно прибрать к рукам. Хотелось бы посмотреть на ту, которая с ним справится. Подай-ка и мне апельсинчик.

– Чем все-таки закончилось ваше... общение? – Сима пододвинула поближе к подруге блюдо с фруктами.

– Утром он встал, поцеловал меня в лоб и ушел. Вот такое интервью...

– Не расстраивайся.

– А я и не расстраиваюсь! – вскинулась Инка. – Меня просто жаба душит, что такой жеребец не в моей конюшне. От него, наверное, жеребятки получились бы замечательные. – Она мечтательно прикрыла глаза.

– Да, беда с тобой! – сказала Сима. – Уже о жеребятках задумываешься. Может, замуж пора?

– Какое замуж?! – Инка перекрестилась. – Просто я, как нормальная баба, ищу мужика с хорошей генетикой. Ну, сама подумай, он высокий, светловолосый, сероглазый, с фигурой Аполлона.

– А мозги у твоего Аполлона имеются?

– Обижаешь! Хозяином строительной империи просто так не становятся. Конечно, он умный.

– А имя у этого мистера совершенство есть?

– Всенепременно. Илья Владимирович Северин. Вот когда выйдет журнал с моей статейкой, я его тебе принесу. Там будут его фотографии, сможешь оценить экстерьер.

Инкино плохое настроение улетучилось без следа. Сима всегда завидовала людям с легким характером. У ее подруги был как раз такой. Только что девятибалльный шторм, и вот уже полный штиль. Сима так не умела. Любую, да-

же незначительную, неприятность переживала очень тяжело. Особенно если вопрос касался межличностных отношений.

– Симка! У тебя слишком много комплексов, с этим нужно что-то делать, – говаривала Инка и тащила ее за собой на какую-нибудь модную вечеринку. Обычно после такого «лечения» Симины депрессия только усугублялась. В конце концов, подруга махнула на нее рукой и предоставила ей возможность разбираться со своими комплексами самостоятельно.

– Симка, ты дикая! Нельзя сторониться людей! Как ты собираешься мужа искать, если все время сидишь дома за своей дурацкой швейной машинкой? Ты думаешь, что принц на белом коне сам прискачет под твои окна? Ничего подобного! Принцы нынче ленивые пошли, уж поверь моему опыту.

Сима в принцев не верила с детства, замуж в ближайшее десятилетие не собиралась, так что Инкины страшилки ее не особенно трогали.

До недавнего времени... До появления Ильи...

Может, рассказать Инке, что он снова приходил?

Нет. Пока не стоит. Да и что, собственно говоря, рассказывать? Вряд ли Инку впечатлит тот факт, что какой-то бомж подарил Симе Вишневской цветы. Она обязательно усмотрит в этом злой умысел.

– Ох! Чуть не забыла! Вот, возвращаю тебе твои духи, – подруга поставила на стол золотистую коробочку. – Ты знаешь, Северин впечатлился. Мне даже кажется, что он исклю-

чительно из-за этого запаха со мной... ну, ты понимаешь. Короче, Сима, пользуйся духами, не будь душой. Глядишь, какой-нибудь перспективный архитектор на тебя западет.

— У нас нет перспективных архитекторов. Ты бы видела их проекты! Полная ерунда! — Сима повертела в руках коробочку. — И потом, как ты себе представляешь уборщицу, от которой пахнет эксклюзивными французскими духами?

— А что? Очень даже пикантно. Кстати, папа давно зовет тебя к себе. Конечно, крутую должность он тебе пока предложить не может, но хотя бы зарплата будет приличной. Я не понимаю, почему ты такая упрямая?

— Инка, я будущий архитектор. Чем я стану заниматься в «Хозяине жизни»? В бюро я хотя бы могу набраться опыта.

— Не знаю, какого опыта можно набраться в этой дыре. Ты же сама говоришь, что нет там перспективных сотрудников. С кого пример-то брать? С директора твоего козлобородого? — Все, закрыли тему.

— Дура! — убежденно заявила Инка. — Слушай, а может, мне поговорить с господином Севериным, на правах знакомой, так сказать? Пусть бы пристроил тебя к себе в компанию.

— Я не дура! — огрызнулась Сима. — Я реалистка. Имел в виду таких, как я, твой господин Северин.

— Ну, как хочешь. А то я могу попробовать...

— Не нужно. И вообще, мне кажется, что ты с ним не в таких хороших отношениях, — напомнила Сима.

– Что верно, то верно. Зато папа мой с ним в хороших отношениях. Многие бы хотели, чтобы их физиономии засветились на страницах «Хозяина жизни». Знаешь, какая это реклама!

– Не знаю и знать не хочу. Это совершенно не мой уровень, – отмахнулась Сима.

– Мало ли, а вдруг этот уровень когда-нибудь станет твоим? – глубокомысленно изрекла Инка.

– Ну конечно!

– А что? Давай-ка за это выпьем. За то, чтобы несбыточное становилось сбыточным!

– Сбыточным? Чувствуется, что ты будущий журналист. Ну, давай выпьем за сбыточное.

Они подняли бокалы.

Ситуация стремительно выходила из-под контроля. Еще утром Сима чувствовала только легкое недомогание, а к вечеру она уже умирала. Температура сорок с половиной. Слабость такая, что невозможно встать с постели. И головная боль, мучительная, до тошноты.

Сима уже выпила упаковку аспирина – все без толку. Она набрала Инкин номер.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил ей равнодушный механический голос.

Сима застонала. Теперь все. Инка «временно недоступна». Больше помощи ждать неоткуда. Вадик в Питере на каком-то там семинаре. Инкиных родителей она ни за что не потревожит.

Соседи? На ее площадке две бабульки-пенсионерки, увлеченные только лишь сериалами и дворовыми сплетнями. Толку от них ноль. В лучшем случае поахают, что молодежь нынче хилая пошла, да посоветуют компрессик холодный ко лбу приложить. Конечно, есть еще «Скорая помощь», но это на самый крайний случай. Как-то неловко беспокоить людей из-за банальной простуды. У них и так работы хватает.

Что остается? Ничего. Лечь в постель, накрыться одеялом и ждать, когда «все само рассосется»...

В дверь позвонили.

Может, Инка?

Господи! Сделай так, чтобы это была она!

Сима кое-как встала, набросила на плечи пуховую бабушкину шаль. Голова кружилась, зубы выбивали дробь, руки и ноги предательски дрожали.

Главное – успеть доползти до двери до того, как Инка решит, что никого нет дома.

– Иду, – хотела крикнуть она. Вместо крика получилось сдавленное шипение.

Илья уже собирался уходить, когда дверь наконец распахнулась. Сима стояла в полумраке прихожей и болезненно щурилась.

– Ты? – спросила она как-то вяло.

– Я. Можно войти?

– Входи.

Она посторонилась, оперлась спиной о стену. Илья с удивлением посмотрел на пуховую шаль. На улице – двадцать пять, а она закуталась в эту нелепую старушечью шаль. И свет в прихожей не включает. Может, экономит?

– А что происходит? – спросил он и потянулся к выключателю.

Вспыхнул свет. Сима зажмурилась.

– Выключи, – она прикрыла глаза рукой, – слишком ярко.

– Ярко? – Не разуваясь, он шагнул к Симе. В электриче-

ском свете она выглядела ужасно – синие тени под глазами, лихорадочный румянец на бледных щеках и сухие, потрескавшиеся губы.

– Что случилось? Ты болеешь?

Она молча кивнула в ответ.

– Давно?

– С сегодняшнего утра. – Она поплотнее закуталась в шаль.

– Врача вызвала? – Илья взял ее за руку. Рука была холодной как лед. Он нетерпеливо отбросил прядь волос с ее лица, прикоснулся губами к виску. – Мама дорогая! Ты же горячая как печка! Давай-ка в постель.

Похоже, ей действительно было очень плохо, потому что она даже не сопротивлялась, когда он подхватил ее на руки.

– Какая у тебя температура? – спросил он после того, как укрыл Симу всеми имеющимися в доме одеялами.

– Почти сорок один, – ответила она, выбивая зубами бабабанную дробь.

– С ума сойти! Ты что-нибудь приняла?

– Аспирин... много...

– И что?

– Ничего, – обессиленно ответила она.

– А почему ты одна в таком состоянии?

– Не могу дозвониться до Инки.

– Это кто?

– Подруга.

– Ладно, до подружки ты не дозвонишься, а где родственники? – Илья начинал злиться. Что за родня такая?! Девочка погибает, а рядом никого! – Ну, где твои родственники? – спросил он резко.

– У меня никого нет. Извини... – Она отвернулась к стене. Вот черт! У нее никого нет! Он орет на нее, а она еще и извиняется.

– Тогда нужно было... – Илья осекся. Он чуть не сказал: нужно было позвонить мне. – Тебе очень плохо? – решил он сменить тему.

– Угу.

– Давай вызовем «Скорую».

– Нет! Пожалуйста! Мне не настолько плохо!

– Ну конечно! Я вижу... – Илья задумался. – Ты потерпишь еще полчасика?

– Да.

– Все, тогда я пошел. – Он встал.

– Илья!

– Не волнуйся, я скоро вернусь. Ты только дверь не закрывай на замок, на всякий случай. Добро?

– Да.

– Вот и умница. Поспи пока. Я скоро.

* * *

Илья завел джип и потянулся за мобильным телефоном:

– Макс! Привет! Это Северин. Ты где?.. Дома? Отлично! Нужна твоя помощь... Да, дело не терпит отлагательств... Нет, с моими все хорошо. Слушай, я к тебе уже еду. Через пятнадцать минут буду и все объясню. И еще: выйди сам на стоянку, а то я в таком виде, что меня охрана не пропустит... Нет, со мной тоже все в порядке. Макс, давай все подробно при встрече?.. Спасибо, друг. Значит, через пятнадцать минут на стоянке.

Илья отключил телефон.

Макс Куликов был другом детства. Он работал сосудистым хирургом в очень известной клинике и подавал большие надежды. Илья надеялся, что Макс разбирается не только в хирургии.

Куликов оправдал все его надежды. Когда Илья подрулил к подземной автостоянке, тот уже ждал его на въезде.

– Надеюсь, у тебя очень веские причины, чтобы вырывать меня из объятий прекрасной дамы на ночь глядя? – спросил он, бросив лишь слегка удивленный взгляд на экзотическую экипировку Ильи.

– Думаю, что веские. Сейчас твоя помощь необходима еще одной прекрасной даме. Боюсь, что своими силами мне не справиться.

Макс выслушал его сбивчивый рассказ.

– Так, думаю, нужно разбираться на месте. Я сейчас заскочу за своим чемоданчиком, а потом ты остановишься у круглосуточной аптеки и мы купим кое-какие лекарства.

– ...значит, запомнил? Ты врач из Красного Креста, альтруист и филантроп... – Илья заканчивал последний инструктаж уже у дверей Симиной квартиры.

– Я все прекрасно помню, – прошептал Макс. – Я врач-альтруист, а ты бомж-филантроп. Не волнуйся.

Илья толкнул дверь.

В квартире было темно и тихо.

– Сима, – позвал он, – я уже вернулся.

В ответ – тишина.

Он вдруг испугался. Так сильно, что майка прилипла к спине. Может, нельзя было оставлять ее одну?.. Может, она...

– Ну, пошли. – Макс прервал его мучения весьма ощутимым тычком в бок.

Сима лежала лицом к стене, и было непонятно, спит она или потеряла сознание. Или...

– Ну, как тут наша больная? – Макс зажег свет.

Илья вздохнул с облегчением: Сима спала. А он уже на-выдумывал бог весть чего...

Длинные ресницы дрогнули, глаза на секунду распахнулись и снова закрылись.

– Сима, – он взял ее за руку, – ты меня слышишь? Я привел врача.

Ресницы снова дрогнули.

– Ну-ка, посторонись. – Макс бесцеремонно отодвинул

его в сторону. – Так, так. Подайте-ка мой саквояж. Благодарю. Теперь вы можете подождать на кухне. – Он красноречиво посмотрел на Илью.

Тот, казалось, прирос к полу и никуда не собирался уходить.

– Иди отсюда, – прошипел Макс.

Илья нахмурился, но из комнаты все-таки вышел.

– Тоже мне, приверженец медицинской этики, – проворчал он себе под нос.

Время тянулось долго. Илья уже исходил крошечную кухню вдоль и поперек. От нечего делать он изучал небогатое содержимое кухонных шкафов, когда из гостиной послышалось:

– Илья, вы можете войти.

Он сорвался с места.

На первый взгляд ничего не изменилось. Только вместо люстры горела настольная лампа. Илья на цыпочках подошел к дивану. Сима лежала с закрытыми глазами, на запавших щеках – длинные тени от ресниц.

– Подержи-ка, – Макс сунул ему в руки какой-то стеклянный флакон, от которого к правой руке Симы тянулась пластиковая трубка.

– Это капельница? – спросил Илья испуганно.

– Держи флакон высоко и не вздумай падать в обморок, – сказал Макс. – Я сейчас придумаю, куда его пристроить. – Врач огляделся. – Вот это, пожалуй, подойдет. – Он подта-

шил к дивану громоздкий торшер и стал деловито приматывать к нему флакон.

Илья зачарованно следил за манипуляциями друга. Тот пристроил флакон, проверил, хорошо ли стоит игла, покрутил на капельнице какое-то колесико.

– Все, процесс пошел, – наконец сказал удовлетворенно Макс. – А теперь слушай меня внимательно, Илья Владимирович. У твоей прекрасной дамы краснуха. Есть такая детская инфекция. Вот видишь эту сыпь на локтевых сгибах? Типично для краснухи. Плюс увеличенные лимфоузлы, плюс светобоязнь. Стопроцентная краснуха. У детей она протекает легко, а вот взрослым в этом смысле намного тяжелее. Девочке твоей вообще не повезло. У нее сильнейшая интоксикация со всеми вытекающими. Кстати, она не беременна?

Илья растерянно пожал плечами:

– Не знаю... Вряд ли... Не от меня, во всяком случае. А почему ты спрашиваешь?

– Ну, если она беременна, то, скорее всего, придется делать аборт. Краснуха вызывает уродства плода. Короче, ты у нее этот вопрос обязательно выясни. Теперь о лечении: я сделал ей укол, чтобы сбить температуру. Видишь, лоб влажный. Это хороший признак. Значит, температура падает.

– А капельница?

– Капельница нужна, чтобы снять интоксикацию. Когда раствор закончится, закрутишь до упора вот это колесико,

вынешь иглу из вены, а место укола зажмешь ваткой, смоченной в спирте. Спирт я тебе оставляю. Там даже хватит, чтобы снять стресс, – Макс хитро подмигнул Илье.

– Так, подожди. Что значит вынешь иглу из вены? Я не умею.

– Тут нечего уметь. Потянешь на себя, и все дела.

– А что с ней сейчас?

– Ничего страшного, просто спит после укола. Это только женщина может терпеть такую высоченную температуру. Лично я уже при тридцати семи и пяти умираю. Кстати, ты уколы делать умеешь?

Илья испуганно замотал головой.

– Это плохо. Придется научиться. Вот, я тебе тут на бумажке написал, сколько чего нужно набирать в шприц. Колоть будешь в верхне-наружный квадрант ягодицы...

– В какой-какой квадрант?

– Ай, не забивай голову лишней информацией! – отмахнулся Макс. – Просто найдешь, где у нее на попе след от моего укола, и уколешь рядом. Ясно?

Илья отрицательно покачал головой. От мысли, что он будет искать какие-то следы на попе у Симы, его самого бросило в жар.

– Во внутримышечных инъекциях нет ничего сложного. Раз – и готово, – разглагольствовал тем временем Макс.

– А может, я ей лучше таблеточку дам? – робко поинтересовался Илья.

– Можно, конечно, и таблеточку дать, – милостиво согласился друг, – но в данном конкретном случае она вряд ли поможет. Так, где тут у вас телефон? Мне нужно такси вызвать.

– А ты что, уже уезжаешь? – Илья покрылся холодной испариной. – Может, подождешь, пока лекарство в капельнице закончится?

– Зачем? Все, что от меня зависело, я уже сделал. Ситуация под контролем. С остальным ты справишься сам. В принципе сейчас твоей девочке нужен только хороший уход, крепкий сон и витамины.

– Так, может, ей сиделку нанять?

Макс посмотрел на него с жалостью, как на душевнобольного.

– Найми. Если тебе удастся найти сиделку в первом часу ночи, чего ж не нанять... Ну, счастливо оставаться. Прекрасная дама меня уже заждалась, – он потянулся к телефону. – И вообще, не знаю, в какую авантюру ты ввязался – заметь, я не задаю никаких вопросов, – но мне почему-то кажется, что ты уже взял на себя определенные обязательства...

Илья обреченно кивнул. Он действительно ввязался в авантюру. А обязательства? Что ж, пожалуй, Макс и в этом прав. Только вот какая из него, к чертям, сиделка?!

– Все, Северин, я удаляюсь. Будут проблемы, звони. Да, вот еще что: ты сам-то краснухой болел? Это я к тому, есть у тебя иммунитет или нет...

– Понятия не имею.

– Ничего, в ближайшем будущем узнаем, – обнадежил Макс. – Счастливо оставаться! – Он подхватил свой саквояжик и скрылся за дверью.

Илья устало опустился в продавленное кресло и с опаской посмотрел на флакон, привязанный к торшеру. Жидкости в нем оставалось меньше половины. После нехитрых расчетов выяснилось, что капельница закончится примерно минут через сорок. А что будет, если Сима во сне пошевелится? Что, если игла сместится или, того хуже, проткнет вену? Ну почему все медики такие прожженные циники! В этом нет ничего сложного... Как же! Может, для человека с медицинским образованием и нет ничего сложного, а ему-то, простому обывателю, каково? Верхне-наружный квадрант – придумают же...

Все! Так и свихнуться недолго. Не надо думать о всяких медицинских ужасах. Лучше подумать о предстоящем в понедельник разговоре с заказчиком.

Пять минут Илья старательно размышлял о работе, а потом не выдержал, подошел к Симе.

Может, из-за болезни, а может, из-за приглушенного света она казалась очень юной. Интересно, сколько ей лет?

Он осторожно, чтобы, не дай бог, не зацепить капельницу, опустился на колени перед диваном. Кожа и волосы девушки были влажными. Что-то такое говорил Макс про хороший признак. Это хороший признак? Илья провел указательным пальцем по ее шее, как раз вдоль лихорадочно бью-

щейся жилки. Сима вздохнула и открыла глаза.

– Привет, – сказал он.

– Привет. – Она слабо улыбнулась.

– Тебе лучше?

Пусть бы она сказала, что ей намного лучше и что его помощь больше не требуется!

– Намного лучше. Спасибо. – Сима посмотрела на флакон. – Долго еще?

– Минут тридцать.

– Илья, ты иди. Уже поздно. – Ее улыбка стала извиняющейся. – Я сама. Спасибо тебе и за доктора, и вообще...

Ну вот и хорошо! Он выполнил свой гражданский долг, оказал девушке посильную помощь. Теперь можно с чистой совестью уходить.

– Никуда я не пойду. Доктор сказал, что тебе нужен уход.

Он передумал в последний момент. Ладно, присмотрит за ней до утра. Все равно завтра суббота, можно прийти на работу чуть позже.

– Спасибо, не нужно. – Сима попыталась сесть.

– Куда? Капельница! – Илья перехватил ее руку.

Кажется, игла на месте. Слава богу!

– Завтра придет Инна. Все будет хорошо, – пыталась протестовать Сима.

– Конечно, все будет хорошо! Завтра придет твоя подруга, а до утра с тобой побуду я. И не спорь!

Сима отвернулась к стене.

Ну что за день такой невезучий! Мало того что чувствует она себя ужасно, так еще Илья пришел... Нет, конечно, хорошо, что он пришел. Плохо, что она в таком виде.

– Доктор сказал, что тебе нужно много пить. Хочешь, я заварю чаю?

– Нет! Я не хочу пить!

Господи, ну что же это такое?! Какой чай?! Она и так уже хочет в туалет. Скорее бы закончилась эта проклятая капельница! Все-таки ужасно, что Илья решил остаться, ей теперь так неловко...

Илья посмотрел на Симу с легким удивлением:

– Не хочешь чаю, ну и ладно. Не нужно так волноваться.

– Прости.

– И извиняться тоже не нужно. Что ты все время извиняешься?

Он вернулся в продавленное кресло и нервно забарабанил пальцами по подлокотнику.

Дернул же его черт остаться! Валялся бы сейчас перед теликом с баночкой пива. Так нет же, в благородного рыцаря решил сыграть! Вот, теперь приходится терпеть капризы какой-то девчонки. Сам виноват...

Илья устроился поудобнее в своем антикварном кресле и сам не заметил, как задремал.

Для Симы время тянулось мучительно. Наконец флакон опустел. Она посмотрела на Илью. Кажется, он спит. Вот и хорошо. Пусть спит.

Девушка осторожно вынула иглу из вены, согнула руку в локте и стала тихонько выбираться из-под вороха одеял. Пришлось немного постоять, подождать, пока перестанет кружиться голова. После укола температура спала, и мокрая насквозь майка неприятно липла к телу. Простыня и наволочка тоже были мокрыми. Ей срочно нужно в душ. Нелзя оставаться в таком виде. Сима оглянулась на Илью – тот сладко спал.

На цыпочках она вышла из комнаты.

После душа стало намного легче. Впервые за день Сима почувствовала себя нормальным человеком... ну, почти нормальным. Она закуталась в махровый халат, подарок Инки ко дню рождения, и вышла из ванной.

– Ты почему не в постели? – услышала она сердитый голос.

Илья уже не сидел в кресле, он стоял в коридоре, прямо напротив ванной.

– Я принимала душ. – Сима прошла в гостиную, присела на краешек дивана.

– Что? Ты сошла с ума! Тебе нужно лежать, а не душ принимать! Быстро в постель!

– Не кричи. Соседей разбудишь.

– Плевать мне на соседей! – продолжал бушевать Илья.

– А мне не плевать. Мне с ними жить, – отрезала Сима.

Илья осекся. Оказывается, у кошечки есть коготки. Она их только что продемонстрировала.

– Ты права. Извини.

– Не нужно извиняться. – Она улыбнулась: – Хочешь спать?

– Честно говоря, да.

– На антресолях в прихожей – сумка. В ней надувной матрас. Достань, пожалуйста, а я пока перестелю постель.

Илья послушно направился в прихожую. Там его ждало новое потрясение – роскошный надувной матрас, стоявший, пожалуй, больше, чем вся имеющаяся в квартире мебель. И при всех своих достоинствах это чудо немецкой технической мысли пылилось на антресолях.

Пока Илья возился с компрессором, Сима перестелила постель.

– Мне постельное белье не нужно, – отказался он от простыни и одеяла. – В квартире тепло, а спать в одежде мне не привыкать.

– Как хочешь, – она пожала плечами.

– Удобная штука. – Илья плюхнулся на матрас. – Здесь запросто поместятся двое.

– Наверное. – Сима села на диван, потянулась к настольной лампе. Раздеваться при свете она стеснялась. Даже несмотря на то, что Илья отвернулся.

Свет погас.

– Спокойной ночи, Сима. Поправляйся, – слышалось из темноты.

Илья проснулся в семь утра и долго соображал, где он. Определившись наконец с местоположением, он поднял голову и посмотрел на спящую на диване девушку. Она лежала на животе, подсунув руки под подушку. Длинные волосы занавешивали лицо, черным каскадом спадали на пол. У Ильи снова появилось желание потрогать их. А потом он увидел все остальное... Сбившееся одеяло и перекрученную футболку. И обнаженные по самое нельзя стройные ноги, и перекрещенные тонкие лодыжки, и по-детски розовые пятки, и вызывающе белую на фоне смуглой кожи полосу наивных хлопчатобумажных трусиков...

Стоп! Мама дорогая! Что это с ним творится в последнее время, если он заводится от вида пролетарского хэбэшного белья?!

А ноги хороши! Странно, что с такими ногами она до сих пор еще не в модельном бизнесе. Хотя для модели, пожалуй, ростом не вышла. Сколько в ней? Метр семьдесят, не больше. Мелкая...

А ноги все равно очень красивые. Хорошо бы, чтобы у нее сейчас была высокая температура. Он бы с превеликим удовольствием сделал ей укол. Как там говорил Макс? В верхне-наружный квадрант ягодицы...

Илья с трудом оторвался от созерцания Симиных ног. От греха подальше. А то еще неизвестно, куда его все это может завести...

Она, точно почувствовав его взгляд, заворочалась.

Северин с удовольствием наблюдал за ее пробуждением. Острые локти уперлись в подушку, поясница прогнулась. Девушка перекатилась на спину, смахнула с лица волосы, зевнула и почти целую минуту лежала с закрытыми глазами. Ну, точно – кошка.

– С добрым утром! – сказал Илья бодро.

Желтые глаза распахнулись и тут же зажмурились.

– Как самочувствие?

Она осторожно приоткрыла один глаз и изумленно посмотрела на Илью.

«Сейчас спросит, кто я такой и что делаю в ее квартире», – весело подумал он.

– С добрым утром, – произнесла Сима после небольшой паузы.

– Хорошо выглядишь, – не удержался Илья.

Она рассеянно кивнула в ответ, а потом до нее дошло, как она выглядит...

Не успел он и глазом моргнуть, а девушка уже сидела, поджав колени к подбородку и натянув одеяло до самого носа.

– Си-ма! – позвал Илья. – Ты где?

– Извини, – слышался приглушенный одеялом голос.

– Ну что за мода извиняться на каждом шагу! – Илья сел и потянулся. – Зачем ты извиняешься? Ты не сделала ничего плохого. А то, что у тебя красивое тело, так это достоинство, а не вина.

Из-под одеяла не донеслось ни звука.

– Если ты не возражаешь, я приму душ.
Возражений не последовало.

Несколько минут Сима вслушивалась в доносящиеся из ванной звуки, а потом быстро выскользнула из-под одеяла и набросила халат.

Сбылись ее самые ужасные опасения. Мало того что почти незнакомый мужчина уже по-хозяйски чувствует себя в ее квартире, ночует в ее комнате и принимает душ в ее ванной, так он еще смеет делать замечания по поводу ее внешнего вида. А она тоже хороша! Не нужно было ложиться спать полуголой! Одну ночь можно помучиться и в халате. Интересно, как долго он ее разглядывал? А про то, что у нее красивая фигура, он, наверное, сказал просто так, чтобы ее успокоить...

От слабости или от переживаний лоб покрылся испариной. Сима вытерла его рукавом халата.

Плевать, что он ее разглядывал! И на то, что при этом думал, тоже плевать! Но с зарплаты все-таки нужно купить комплект нормального белья.

Сима прикинула, на какие издержки ей придется пойти, чтобы реализовать это решение, и окончательно расстроилась. Как это раньше она не обращала внимания на свое белье?! Впрочем, раньше ей некому было его демонстрировать.

«А сейчас, значит, есть кому?» – ехидно поинтересовался внутренний голос, и Сима залилась краской.

Хватит думать о всякой ерунде! Надо привести в порядок квартиру. Девушка сердито пнула надувной матрас, подаренный две недели назад Вадиком.

«Извини, сестренка, но заниматься сексом на твоём колёсочном диване просто невозможно! Вот, полюбуйся, какую красоту я купил! Удобная вещь. Ты, кстати, тоже можешь им пользоваться, если что...»

Сима убрала постель и уже возилась на кухне, когда Илья вышел из душа.

– С легким паром, – сказала она, не оборачиваясь.

– Спасибо. А почему ты встала?

– Ты, наверное, хочешь есть. Я готовлю завтрак.

– Я сам могу приготовить завтрак. – Илья уселся на табурет. – Что-то ты плохо выглядишь.

– Пятнадцать минут назад ты говорил совсем другое, – огрызнулась Сима.

– Я тогда и имел в виду совсем другое, – ответил он невозмутимо. – У тебя сейчас какая температура? Может, нужен укол?

– Не нужен мне никакой укол! Завари чай, а я пока умоюсь.

Она перешагнула через вытянутые ноги Ильи и сердито хлопнула дверью ванной.

Все-таки женщины – немыслимые существа! Вот чего, спрашивается, она сейчас обиделась? Илья пожал плечами и потянулся за чайником.

– Твоя подруга точно придет? – спросил он, уже стоя у дверей.

– Точно.

– И тебе правда ничего не нужно?

– Илья, мне нужно просто отлежаться, и все.

– Ну, тогда до свидания.

– До свидания.

Когда за Ильей наконец захлопнулась дверь, Сима вздохнула с облегчением. Все утро она чувствовала себя не в своей тарелке и желала только одного – чтобы он поскорее ушел.

Сегодня ей было значительно лучше, даже несмотря на появившуюся на теле сыпь. Еще оставались температура и слабость, но все это уже можно было терпеть. Пожалуй, звонить Инке нет необходимости. Вдруг она не переболела в детстве краснухой?

Илья заскочил домой, только чтобы переодеться и побриться. Он уже собирался уходить, когда зазвонил телефон.

– Илья, где ты был? – раздался в трубке недовольный голос. – Я почти сутки не могу до тебя дозвониться. Что за мода отключать мобильный?

– Здравствуй, мамочка, рад тебя слышать.

– Надеюсь, ты будешь так же рад меня видеть? – Голос в трубке смягчился.

– Разумеется. Ты хочешь навестить своего бестолкового сына?

– Нет, я хочу, чтобы мой бестолковый сын навестил свою старую мать.

– Мама, не кокетничай! Ты не старая и прекрасно это знаешь. Тебя принимают за мою подружку.

В трубке послышался смех:

– Да, конечно, но только со спины. Кстати, о подружках. Ты все еще встречаешься с этой милой девушкой... Ангелиной, кажется?

– С Анжеликой, мама. Да, мы иногда видимся, – сказал Илья осторожно. – А что?

– Почему бы тебе не пригласить ее сегодня к нам на ужин? Мы с отцом были бы очень рады. Нечасто в наше время встретишь такую интеллигентную и образованную девушку.

Илья саркастически улыбнулся. На его взгляд, Анжелика – она требовала, чтобы ее называли только полным именем, – была взбалмошной и капризной дурой. Единственным ее достоинством являлась внешность. Длинноногая блондинка со смазливой мордашкой и небесно-голубыми глазами. Иногда Илье казалось, что он встречается с ожившей куклой Барби. Мама же видела в Анжелике подающую надежды пианистку и дочь очень известного дирижера.

– Ну, так что мы решили?

Похоже, мама уже все давно решила за него. Впервые она заинтересовалась одной из многочисленных пассий Ильи. Ох, не к добру это...

– Я не знаю, какие у нее на сегодня планы.

– Так узнай и перезвони мне, – мама была непреклонна. – Я должна сказать Асе, на сколько персон готовить ужин.

– Пусть готовит на четверых. Если Анжелика не сможет прийти, я приглашу Вовку Данченко.

– Хорошо, – после небольшой паузы сказала мама.

Конечно, Анжелика устроила бы ее намного больше, но Владимир тоже сойдет. В конце концов, мальчик не виноват, что Господь поскупился, отмеряя ему привлекательности. И потом, Оксфорд! Илья улыбнулся. Он был на сто процентов уверен, что мама сейчас думает именно об этом. Все-таки она немного сноб, хоть и отрицает это.

– Мам, ну я побежал? Я уже опаздываю.

– Плохо, что опаздываешь. Надо быть более организован-

ным. По-моему, тебе пора жениться. Хорошая супруга может значительно облегчить существование мужчине. Если не веришь мне, можешь спросить у отца.

– Мамочка, второй такой, как ты, я еще не нашел.

– Ты увиливаешь от разговора.

– Я не увиливаю, я опаздываю. Давай поговорим об этом позже.

В трубке послышался вздох:

– Ладно уж, беги, но вечером мы тебя ждем. Целую.

– И я тебя целую. Привет отцу. – Илья повесил трубку, задумался.

Дело пахнет керосином. Мама вознамерилась его женить. А если она принимает какое-нибудь решение, то переубедить ее невозможно.

И кого она подобрала ему в жены?! Анжелику! Дирижерскую дочку, у которой на уме далеко не музыка. И пианистка она посредственная, просто раскрученная стараниями папочки.

В постели она хороша, это верно. Но брать ее в жены... Он скорее женится на беспородной Симе, чем на этой пустышке.

Сима... Как ей там болеется? И где она только умудрилась подцепить эту краснуху?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.